

Е. Р. Михайлова

Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов

Keywords: culture of the Pskov long barrows, chronology, periodization.

Ключевые слова: псковские длинные курганы, хронология, периодизация.

E. R. Mikhaylova

Chronology and Periodization of the Pskov Long Barrows

The chronology is based on dates of artefacts and data of the radiocarbon analysis.

Period I (late 5th — the middle of 6th century) is marked by subjects of the late Roman time or the early migration period; it is the time when the Pskov long barrows were formed. Period II (middle 6th century — turn of 8th/9th centuries) is the time of consecutive development of this culture. It can be divided into 2 phases: IIA (second half of 6th—7th century) and IIB (8th century). Period III (9th century — early 11th century) — the finale of this culture, marked by presence of the Old Russian artifacts.

E. P. Михайлова

Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов

В статье обосновывается «длинная» хронология культуры псковских длинных курганов. Хронология основана на датах вещевых находок и данных радиоуглеродного анализа.

Можно выделить 3 периода развития культуры. Период I (поздний V — середина VI в.) определен по пред-метам поздне римского времени или раннего периода эпохи переселения народов. Это время формирования культуры псковских длинных курганов. Период II (середина VI в. — рубеж VIII/IX вв.) — время последовательного развития культуры. Его можно разделить на 2 фазы: IIA (вторая половина VI в.—VII в.) и IIB (VIII в.). Период III (IX в. — начало XI в.) — финал культуры, который выделяется по наличию древнерусских вещей.

Хронология вещевого комплекса псковских длинных курганов — предмет давней дискуссии. Общепринятая ныне датировка КПДК второй половиной I тыс. н. э. или уже — VI—IX вв. была обоснована в нескольких обобщающих работах (Чернягин 1941; Станкевич 1960; Седов 1960; 1974 и др.) и принята большинством исследователей.

Однако работы собственно по хронологии псковских длинных курганов немногочисленны. Внимание исследователей привлекали хронологическое определение возникновения и финала культуры псковских длинных курганов, а также датирование конкретных находок.

Задача построения внутренней хронологии всей культуры в настоящее время по-прежнему остается актуальной.

Основной массив памятников КПДК располагается на обширной территории в пределах бассейнов Мсты, Мологи, Ловати, Верхней Двины, Великой, Луги, Псковско-Чудского озера. При этом раскопки, проводившиеся по современной методике и давшие наиболее репрезентативный материал, велись в основном в окраинных частях ареала — на его северо-западной оконечности (работы в Юго-Восточной Эстонии, в Восточном Причудье, на Плюссе и Верхней Луге) и на северо-восточной оконечности (в бассейнах Мсты и Мологи).

К настоящему времени известны вещевые находки из 435 погребений или разрушенных насыпей в 121 могильнике¹. Не все они в рав-

¹ Хочу выразить свою искреннюю признательность коллегам, любезно позволившим ознакомить-

ной мере документированы, далеко не все выразительны².

Среди находок в псковских длинных курганах известны предметы, явно попавшие на Северо-Запад Восточной Европы из других регионов. Такие находки образуют несколько хронологических пластов.

Однако датировка древностей лесной полосы по хронологическим шкалам иных регионов влечет за собой целый ряд трудностей. Так, по-прежнему актуально заметное несовпадение хронологии многих типов вещей в Центральной и Восточной Европе — ряд предметов, вышедших из употребления в Центральной Европе, продолжает некоторое время бытовать в Европе Восточной, что подтверждается их находками в хорошо датированных комплексах Крыма и Северного Кавказа, отчасти Юго-Восточной Прибалтики. Поэтому необходимо учитывать возможность неполного совпадения времени употребления однотипных вещей в различных регионах, а также учесть имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные даты и — на поздних этапах существования КПДК — возможности хронологических шкал Старой Ладоги и Новгорода.

I период — формирование культуры псковских длинных курганов (поздний V в. — вторая четверть — середина VI в.). Хронологические индикаторы

Керамика типа Заозерье, расчески на которой выполнялись роговыми гребнями, бытовала в III—V вв. и, несомненно, послужила одним из источников керамического комплекса псковских длинных курганов (Лопатин, Фурасев 2007: 22, 92—103). Однако в самих длинных курганах лепной сосуд с расчесами встречен единственный раз — в потревоженном погребении 2 в кургане 3 группы Повалишино (Штыхов 1999: 27; Лопатин, Фурасев 2007: 125). Вероятнее всего, сосуд с расчесами был установлен на поверхности первоначальной низкой насыпи кургана, позднее перекрытой досыпкой (Штыхаў 1992, мал. 15)³. Однако не исключен и вариант разрушен-

ного грунтового погребения, тем более что в насыпях соседних курганов были найдены черепки с расчесами, вероятно, происходящие из слоя перекрытого курганами селища.

Гребни с горбатой спинкой. Достоверно пока известен только один гребень с горбатой спинкой, выпиленный из плоской черепной кости (рис. 1: 1) (Черных, Малыгин, Томашевич 1998: 404). По форме он напоминает гребни римского времени, в частности, восточногерманские, типа Thomas 1 (Thomas 1960: 104—110; Никитина 1969: 147).

Еще одна любопытная находка хранится в Псковском музее-заповеднике (Инв. № 2208/409). Это роговой гребень с горбатой спинкой; все зубцы гребня, кроме пяти центральных, срезаны. Возможно, этот гребень также мог служить орнаментом для керамики с расчесами. Точные обстоятельства находки неизвестны⁴.

Округлые бронзовые пряжки с хоботковидным язычком с поперечным рифлением (рис. 1: 2—4).

Хоботковые язычки с поперечными нарезками на конце и основании язычка известны на пряжках V — первой трети VI в. во многих регионах Европы: на Дунае (см., например: Tejral 1988: Abb. 14: 1; Tejral 1997: Abb. 6: 1, Abb. 20: 1), в Крыму (Айбабин, Хайретдинова 1988: рис. 16: 21; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 1999: рис. 6: 16, 17, 22, 23), в Западной Эстонии (Tallgren 1925: 8, Abb. 15, 18; ср.: Bitner-Wróblewska 2001: 65). Пряжки с небольшой круглой рамкой и хоботковым язычком с рифлением в европейских древностях известны не позднее 460—470-х гг.

В псковских длинных курганах типологически одной из самых ранних является пряжка из могильника Полибино на Ловати (см. рис. 1: 2). Возможно, хронологически близка ей пряжка из Городни (см. рис. 1: 4). В целом эти пряжки воспроизводят образцы второй половины V — начала VI в. Появившись в вещевом комплексе КПДК, пряжки с округлой рамкой в дальнейшем получают здесь собственное развитие. Детали этого процесса еще предстоит изучить.

«Крапчатые» стеклянные бусы из псковских длинных курганов подробно проана-

ся с их материалами, — А. А. Александрову, М. Аун, А. Н. Башенкину, В. Я. Конечному, С. Л. Кузьмину, Ю. М. Лесману, В. Ю. Соболеву, А. Г. Фурасеву.

² Краткие сведения о датированных комплексах погребений КПДК приведены в приложении к настоящей статье.

³ Повалишино — не единственный случай употребления в псковских длинных курганах в качестве урны

сосуда архаичного облика. Так, трупосожжение в кургане 1 в могильнике Кынну (Юго-Восточная Эстония) было помещено в сосуд с текстильной поверхностью, накрытый сверху перевернутым гладкостенным сосудом (Schmiedehelm, Laul 1970: 164—165).

⁴ На эту находку мне любезно указал А. А. Александров, которому я выражаю свою искреннюю признательность.

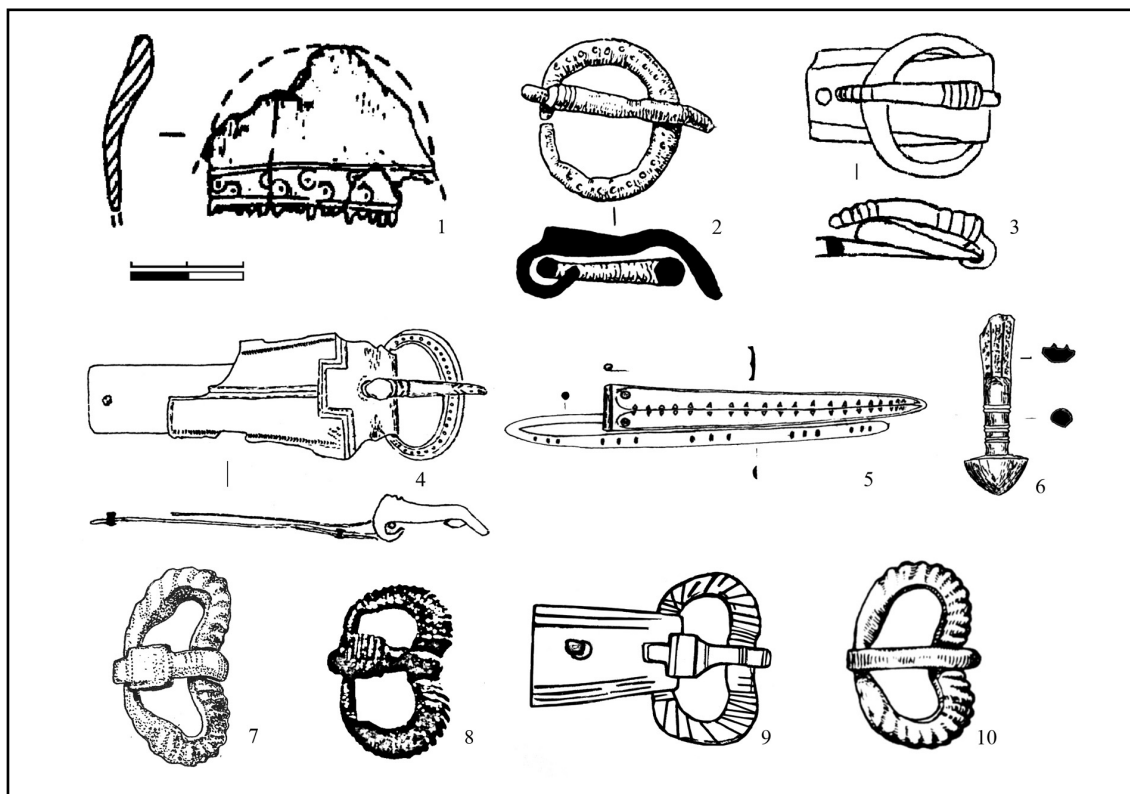

Рис. 1. Хронологические индикаторы периода I: 1 — гребень с горбатой спинкой; 2—4 — пряжки с небольшой круглой рамкой и хоботковым язычком с рифлением; 5 — браслеты типа Володи; 6 — наконечник ремня с коническим окончанием; 7—10 — пряжки с рифленой В-образной рамкой. 1 — Подол I (Кафтино), к.1, п. 3 (по: Черных, Малыгин, Томашевич 1998); 2 — Полибино, к.2 (по: Станкевич 1962); 3 — Потерпелицы I, к.10, п. 13 (по: Орлов А-1972); 4 — Городня, к.2, п. 2 (рис. А.А. Александрова); 5 — Володи, к.2, п. 4 (рис. А.А. Александрова); 6 — Володи, к.1, п. 1А (рис. А.А. Александрова); 7 — Линдора I, к.9 (по: Аун 1992); 8 — Усть-Белая IV, к.6, п. 1 (фото А.Н. Башенькина); 9 — Рысна-Сааре II, к.9 (рис. автора); 10 — Полибино, к.21, п. 1 (по: Станкевич 1962); (1 — кость; 2—4, 6, 8—10 — бронза; 5 — серебро; 7 — железо).

Fig. 1. Chronological indicators of period I: 1 — a comb with curved handle; 2—4 — buckles with small ring and a long grooved tongue; 5 — bracelets of type Volody; 6 — a strap-end with conical head; 7—10 — ribbed B-shaped buckles. 1 — Podol I (Kaftino), barrow 1, grave 3 (after Черных, Малыгин, Томашевич 1998); 2 — Polibino, barrow 2 (after Станкевич 1962); 3 — Poterpelitsy I, barrow 10, grave 13 (after Орлов А-1972); 4 — Gorodnya, barrow 2, grave 2 (drawing by A. Alexandrov); 5 — Volody, barrow 2, grave 4 (drawing by A. Alexandrov); 6 — Volody, barrow 1, grave 1A (drawing by A. Alexandrov); 7 — Lindora I, barrow 9 (after Аун 1992); 8 — Ust-Belaya IV, barrow 6, grave 1 (photo by A. Bashenkin); 9 — Rõsna-Saare II, barrow 9 (drawing by E. Mikhaylova); 10 — Polibino, barrow 21, grave 1 (after Станкевич 1962); (1 — bone; 2—4, 6, 8—10 — bronze; 5 — silver; 7 — iron).

лизированы А.В. Мاستыковой и А.В. Плоховым (2010), предложившими датировать «крапчатые» бусы из могильника Съезжее временем их наибольшего распространения, т.е. второй третью V — первой третью VI в. Ту же дату авторы предлагают и для прочих «крапчатых» бус, найденных в псковских длинных курганах.

Округлые бусы из глухого темно-красного стекла распространены в первой пол. I тыс.н.э. в бассейне р. Оки, где можно указать, в частности, на рязанские могильники (Борковский, Кузьминский), на цнинские (Кошибеевский, Польно-Ялтуновский) и на могильник близ с. Армиева (Алихова 1958: 38—39; Розенфельдт 1982: 63—65; Румянцева 2002, 2007: 219—220).

Браслеты типа Володи представляют собой полутораоборотную спираль с различным оформлением уплощенных концов (рис. 1: 5). Такие браслеты найдены всего в трех памятниках на сравнительно небольшом пространстве Восточного Причудья. Скорее всего, прототипом этого редкого типа браслетов послужила сломанная старинная змеиноголовая гривна (*ormhuvudring*) — украшение, распространенное в Северной Европе в основном в III — первой половине IV в. (Михайлова 2010а).

Наконечник ремня с коническим окончанием представлен единственной находкой (рис. 1: 6). Он напоминает находки из тарандов Северо-Восточной Эстонии и поздних дьяковских городищ и датируется большинством исследователей в рамках III—IV/V вв. (Смирнов

1974: 52, рис. VI: 18). Недавно И. О. Гавритухин и А. М. Воронцов вновь обратились к подобным поясным наконечникам и сопоставили их с центрально- и североевропейскими аналогиями. Верхняя хронологическая граница восточноевропейских серий таких ременных наконечников, по мнению авторов, вряд ли выходит за пределы V в. н. э. (Гавритухин, Воронцов 2008: 48).

Пряжки с рифленой В-образной рамкой (рис. 1: 7—10) рассматриваются в ряду наиболее ранних вещевых находок в КПДК начиная с работ Й. Вернера (Вернер 1972; Werner 1981). То же мнение позднее высказали И. А. Бажан и С. Ю. Каргапольцев (1989), однако в настоящее время предложенную этими авторами датировку (Й. Вернер: V — нач. VI в., И. А. Бажан и С. Ю. Каргапольцев: кон. IV — нач. VI в.) следует несколько расширить. В Восточной Европе В-образные пряжки с рифлением известны как в комплексах конца IV — нач. VI в., так и в некоторых более поздних.

Такие пряжки хорошо представлены в курганах восточнолитовского типа, где комплексы с ними датируются в пределах третьей четверти I тыс. н. э. по совместным находкам с оружием, пряжками других типов, браслетами с утолщенными концами и др. (Гуревич 1959: 241; 1962: 66—67; Мядзведзеў 1999; Vaitkevicius 2007: fig. 55: 3). К сожалению, подробная хронология раннесредневековых литовских древностей остается пока не разработанной.

И. О. Гавритухин в своей периодизации металлических изделий из Кисловодской котловины относит комплексы из Мокрой Балки с В-образными рифлеными пряжками к периоду 1г. Этот период он датирует в рамках VI в., возможно, даже в пределах середины — второй половины VI в., хотя однозначных оснований для такого сужения даты периода автор и не находит (Гавритухин 2001а: 43).

К уточнению верхней даты бытования пряжек с В-образной рифленой рамкой в Восточной Европе следует также привлечь материалы памятников, где такие пряжки найдены совместно с деталями геральдической поясной гарнитуры — селище Усть-Черная на Волге и могильник у хутора Малаи на Кубани (Леонтьев 1994: 225, рис. 96; Атавин 2008: 39, табл. 21—22). Следует, правда, оговорить, что датировки предметов геральдического стиля на сегодняшний день дискуссионны. Если восточноевропейские исследователи относят большую часть таких находок к VII в., то в Центральной и Западной Европе те же пояса часто датируются серединой — второй по-

ловиной VI в. (см., напр.: Bálint 2000; Засецкая и др. 2007: 26—27).

* * *

Как единый горизонт находок рассмотренные выше вещи датируются второй половиной V—VI в. Однако нижнюю дату соответствующих памятников — и значит, возникновение культуры псковских длинных курганов — вероятно, следует сместить ближе к рубежу V—VI вв.

Такое сужение даты памятников опирается прежде всего на то соображение, что предметы, явно поступавшие в лесную зону Восточной Европы извне, вряд ли могли оказаться здесь сразу же после их возникновения. Скорее, для единичных и привозных вещей следует ориентироваться на время их наиболее массового изготовления как на наиболее вероятный период попадания импортов в отдаленные районы. Какой промежуток времени эти импорты могли находиться в обиходе населения лесной зоны до своего выпадения в погребальные памятники, мы можем только предполагать. Вряд ли, впрочем, запылывание предметов, если оно имело место, могло превышать срок жизни одного—двух поколений (вероятно, в употреблении могли оставаться отдельные «бабушкины» вещи, не долее).

Ряд предметов (например, некоторые из поясных пряжек, гребень из Кафтино) представляет собой уже местные реплики привозных вещей, что также не позволяет сузить их датировку.

Любопытно отметить в этой связи, что к периоду I, когда только происходит формирование основных черт культуры псковских длинных курганов, относятся и находки с типологически «нечетким» обликом. Например, в могильнике на озере Кафтино найдена бляшка-обоймица, имеющая черты сходства сразу с двумя основными типами бляшек-обоймиц, которые позднее распространятся в псковских длинных курганах (Михайлова 2007б: 162).

Еще одним соображением в пользу приближения даты сложения КПДК к рубежу V—VI вв. служит накопленный массив радиоуглеродных дат, самые ранние из которых получены для могильника Усть-Белая IV: 1460 ± 30 л. н. и 1450 ± 60 л. н. (Башенькин 1995: 24—25). Радиоуглеродных дат, которые бы полностью укладывались в пятый век, пока нет.

Можно отметить совпадение радиоуглеродных дат и датировок по вещам для ранних

комплексов из могильников Усть-Белая IV и Куреваниха III. Комплекс с ранней округлой пряжкой из могильника Шихино содержал четырехконечные бляхи от узды — аналогичная бляха найдена в кургане 3 могильника Гринино I, по данным радиоуглеродного анализа датированного второй половиной V — первой третью VI в. (Исланова 2006: 103).

II период — развитая культура псковских длинных курганов (сер. VI в. — рубеж VIII/IX вв.)

В целом второй период КПДК — время сложившейся, развитой культуры — датируется, по-видимому, с середины VI в. — до конца VIII — рубежа VIII/IX вв.

На современном этапе изучения подразделить этот длительный период на более короткие фазы не удастся, но в будущем, по мере накопления материала и совершенствования хронологических разработок, вероятно, можно будет выделить две фазы — II А, характеризующуюся вещами VI—VII в. и II В с вещами в основном VIII в.

Хронологические индикаторы фазы IIА (вторая пол. VI — VII в.)

Железная пряжка с *простой D-образной рамкой* круглого сечения и далеко выступающим язычком — единственная находка из кургана 9 могильника Дорохи I (рис. 2: 1). Аналогии ей известны на раннесредневековых памятниках Юго-Восточной Европы VI—VII вв. (Vida, Völling 2000: 77, Taf. 11: 8).

Массивные литые *пряжки с заостренной D-образной (так называемой сердцевидной) рамкой* и четырехугольным щитком на основании язычка, точных аналогий практически не имеют (рис. 2: 2—3). Отчасти пряжку из Рысна-Сааре II напоминает луженая бронзовая пряжка из погребения 11 могильника Штесен в Средней Германии — со слабо утолщенной спереди D-образной рамкой и трапециевидным рифленным щитком на основании клювовидного язычка (Schmidt 1970: 22, Taf. 8: 3b). Могильник относится к позднему периоду эпохи Великого переселения народов.

Однако эти пряжки могут быть датированы на основании двух не зависящих друг от друга признаков: по форме рамки и по характерному массивному щитку на основании язычка.

Пряжки с сердцевидными рамками по своему происхождению византийские (хотя игол со щитками на основании на них не от-

мечено). Сведения о византийских пряжках V—VII вв. недавно обобщила М. Шульце-Дерламм. Пряжки из КПДК по форме рамки наиболее близки к выделенной ею группе А9, распространенной очень широко: от Израиля и Сирии на востоке через Абхазию и Крым, Балканы, предгорья Альп вплоть до Среднего Рейна и Бельгии, и группе А10, представленной только в Малой Азии. М. Шульце-Дерламм датирует обе группы пряжек V — серединой VI века (Schulze-Dörlamm 2002: 20, 22).

Авторы публикации могильника Виминациум несколько расширили предложенную М. Шульце-Дерламм датировку пряжек с сердцевидной рамкой, указав, что в крымских могильниках Суук-Су и Скалистое аналогичные пряжки встречены вместе с предметами VII века. По их мнению, пряжки с заостренной D-образной рамкой бытовали, следовательно, и во второй половине VI в., и в VII веке (Ivanišević, Kazanski, Mastyskova 2006: 23).

В лесной зоне Восточной Европы такие пряжки редки, но известны. Так, аналогичная пряжка с заостренной D-образной рамкой (без иглы) происходит из могильника Айзкраукле Лейясбитен (Ciglis 2006: 162, pav. 3: 2).

Специально к рассматриваемым пряжкам из псковских длинных курганов обращался М.М. Казанский. По характерному щитку на язычке он предложил считать их западнобалтскими вещами V — первой половины VI в. (Казанский 1999: 404). Однако Я. Ковальски в своей работе по хронологии западнобалтских древностей, датирует такие язычки более поздним временем: согласно его наблюдениям, они распространяются в западнобалтийских землях с середины VI в. и характерны в основном для фазы E2b — т.е. 570—610/625 гг. (Kowalski 1991: 80, рис. 2).

Таким образом, пряжки с сердцевидной рамкой и рифленным щитком на основании язычка из псковских длинных курганов могут быть датированы, вероятнее всего, второй половиной VI—VII в.

Литые клювовидные язычки пряжек с массивным щитком на основании напоминают язычок на пряжке с сердцевидной рамкой из Рысна-Сааре, но найдены все отдельно (рис. 2: 4—6). Форма пряжек, к которым они крепились, не известна. В целом такого рода массивные клювовидные язычки довольно хорошо представлены в более южных комплексах (от Крыма до Поднепровья), где обычно датируются VI—VII вв. (см., напр., Горюнова 1992: рис. 1: 5).

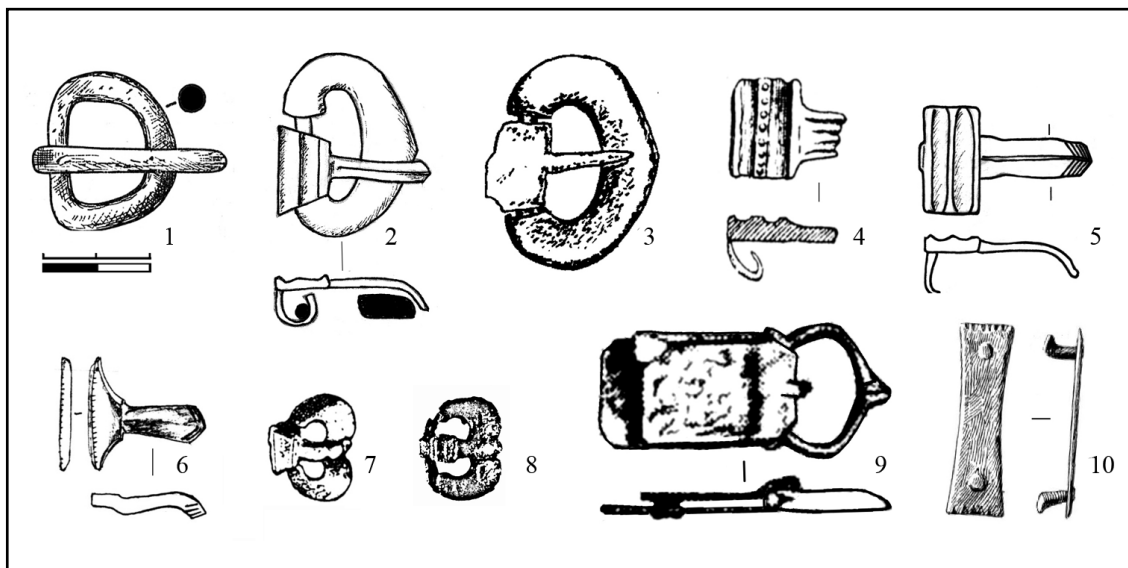

Рис. 2. Хронологические индикаторы фазы II A. Детали поясного набора: 1 — пряжка с простой D-образной рамкой; 2—3 — пряжки с сердцевидной рамкой; 4—6 — литые клювовидные язычки пряжек с массивным щитком на основании; 7—8 — пряжки с полый B-образной рамкой; 9 — пряжка с рамкой с выделенным ложом для язычка; 10 — прямоугольная накладка с вогнутыми продольными сторонами. 1 — Дорохи I, к.9, п. 6 (по: Штыхаў 1992); 2 — Любахин I, к. 6, п. 1 (по: Башенькин 1995); 3 — Рысна-Сааре II, к.6, п. 1 (рис. автора); 4 — Светлые Вешки, к.3, п. 3 (по: Чернягин 1941); 5 — Рысна-Сааре I, к. 8, п. 9 (рис. автора); 6 — Куреваниха III, к. 16, п. 5 (по: Башенькин, Васенина 2007); 7 — Липицы, к.11, п. 1 (по: Чернягин 1941); 8 — Рапти-Наволоки III, к.21 (фото Г.С. Лебедева); 9 — Куреваниха III, к. 15, п. 2 (по: Башенькин, Васенина 2007); 10 — Березовский Рядок, к.5, п. 5 (по: Тищенко 1914) (1, 9, 10 — железо; 2–8 — бронза)

Fig. 2. Chronological indicators of phase II A. Belt fittings: 1 — D-shaped buckle; 2—3 — buckles with heart-shaped ring; 4—6 — massive beak-shaped buckle-tongues with plate; 7—8 — hollow B-shaped buckles; 9 — a buckle with lyre-shaped ring; 10 — rectangular belt mount with concave longitudinal sides. 1 — Dorokhy I, barrow 1, grave 6 (after Штыхаў 1992); 2 — Lyubakhin I, barrow 6, grave 1 (after Башенькин 1995); 3 — Rõsna-Saare II, barrow 6, grave 1 (drawing by E. Mikhaylova); 4 — Svetlye Veshki, barrow 3, grave 3 (after Чернягин 1941); 5 — Rõsna-Saare I, barrow 8, grave 9 (drawing by E. Mikhaylova); 6 — Kurevanikha III, barrow 16, grave 5 (after Башенькин, Васенина 2007); 7 — Lipitsy, barrow 11, grave 1 (after Чернягин 1941); 8 — Rapti-Navolok III, barrow 21 (photo by G. Lebedev); 9 — Kurevasnikha III, barrow 15, grave 2 (after Башенькин, Васенина 2007); 10 — Beryozovskiy Ryadok, barrow 5, grave 5 (after Тищенко 1914) (1, 9, 10 — iron; 2–8 — bronze).

Литые клювовидные язычки пряжек известны в лесной зоне Восточной Европы. Они найдены, в частности, на селище Юрьевская Горка в Молого-Мстинском междуречье (Исланова 1997: рис. 73: 15, 77: 5) и на дьяковском городище Луковня (Розенфельдт 1982: 98, рис. 22: 11). Можно отметить находки в рязано-окском Борковском могильнике и на городище Демидовка, которые по своим орнаментальным особенностям (резные спирали, решетчатый орнамент), впрочем, отличаются от предметов из КПДК (Амброз 1970: рис. 1: 2, 3; Kazanski 2000: 419, 420).

В древностях Кисловодской котловины сходные язычки присутствуют на некоторых пряжках этапа Ig по И.О. Гавритухину (датируется им ок. 500—550/580 гг.) (Гавритухин 2001a: рис. 76: 13).

В центрально-европейских древностях пряжки с массивной овальной рамкой и рифленым трапециевидным щитком на основании язычка известны в меровингских мо-

гильниках Южной Германии фаз SD 4—6 (ок. 500 — ок. 580 гг.) (Koch 2001: 83, 86).

М. Аун полагает, что в эстонских землях такие пряжки распространяются с территории Восточной Пруссии и указывает аналогичную находку из эстонского городища Иру, датирующуюся VII веком (Аун 1979: 369—370).

Пряжка с широкой уплощенной V-образной рамкой и язычком с прямоугольным рифленым щитком на основании происходит из могильника эпохи переселения народов Хуйттиму-Хиидентёокя в Финляндии (Kivikoski 1973: Taf. 38: 325).

М.М. Казанский предложил датировать эти изделия V — первой половиной VI в., опираясь на западнобалтские древности и их дунайские прототипы (Казанский 1999: 404), однако в Пруссии известны и более поздние комплексы с подобными пряжками.

В прусском могильнике Тумяны (Даумен) найдены пряжки с V-образной рамкой и фигурным орнаментированным щитком на осно-

вании язычка, датирующиеся 580—620-ми гг. (Кулаков 1989: рис. 26: 4, 53: 1; Prussia 2005: 94). По форме щитка они напоминают находку из Куреванихи.

В том же могильнике Тумяны и в могильнике Лелешки найдены пряжки с прямоугольным или трапециевидным щитком на основании язычка, украшенным параллельными бороздками (Кулаков 1989: рис. 26: 6, 34: 1, 35: 2; Bitner-Wróblewska 2001: Pl. LIV: 3, 6]. Они, в свою очередь, сочетаются в закрытых комплексах с перекладчатыми балтскими фибулами позднего VI в. — первой половины VII в. (Kowalski 1991: 77—80; Rudnicki 2008: 297—300, Abb. 12).

Таким образом, литые клювовидные язычки пряжек с орнаментированным щитком в настоящее время следует датировать в пределах VI — первой пол. VII в.

Пряжки с полой гладкой В-образной рамкой при изучении древностей Евразии чаще всего рассматривают как часть так называемой геральдической поясной гарнитуры VI—VII веков (см., напр.: Амброз 1971: 117 сл., рис. 5: 13, 19, 25, рис. 6: 1—10, 16; Гавритухин, Обломский 1996: 30—31).

И.О. Гавритухин связал рамки с полой В-образной рамкой без выступов в задней части, подобные пряжкам из КПДК (но с подвижными литыми щитками и с иными язычками) с горизонтом 1 восточноевропейских гарнитур с псевдопряжками (датируется последней третью VI — началом VII в.) (Гавритухин 2001б: 32, 36).

Ко второй половине VI — первой половине VII в. относятся некоторые нижнедунайские и балканские аналогии полой В-образной пряжке из Рысна-Сааре, также происходящие из наборов геральдической поясной гарнитуры (см., напр.: Гавритухин, Обломский 1996: 63, рис. 64: 3, рис. 65: 7).

Сравнительно хорошо датируются пряжки с гладкой В-образной («почковидной») рамкой в мазурских древностях. Здесь они встречаются в погребениях с перекладчатыми арбалетовидными фибулами и языковидными наконечниками ремней, что позволяет относить их к развитой ступени Е, т.е. также ко второй половине VI — первой половине VII века (Nowakowski 1998: 73).

Пряжки с полой В-образной рамкой из псковских длинных курганов следует датировать, по-видимому, в пределах второй половины VI—VII в., возможно, уже — второй половины VI — первой половины VII в. (рис. 2: 7—8).

Пряжка с лировидной рамкой представлена единственной находкой (рис. 2: 9).

Это пряжка с четко выделенным на рамке удлинненным ложем для язычка и узким прямоугольным щитком-обоймой. Пряжки с такими рамками приходят на смену гладким В-образным.

Подобные пряжки (но с литым неподвижным щитком) хорошо известны в составе литой ременной гарнитуры южных районов Европы — в Подунавье, на Северном Кавказе, Поволжье, Приуралье. И.О. Гавритухин в ряде работ, посвященных хронологии металлических изделий, отнес их к VII — первой трети VIII в. Тем же временем датируются пряжки с лировидными рамками с четко выделенным ложем для язычка, но без щитка или с двумя узкими обоймами для крепления ремня (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 74: 23, 40, 50, 61, 75: 45, 80: 23, 32, 57, 89: 1, 48; Гавритухин 2001а: 45—48, рис. 78; Гавритухин 2005: 417—418, рис. 1: 68, 125, 301, 302 и др.).

Датировки И.О. Гавритухина приняты и авторами раскопок, правда, сузив их до VII в. (Башенькин, Васенина 2007: 49).

Литые **браслеты с утолщенными концами** широко распространены в I тыс.н.э. Наиболее ранние находки браслетов с еще слабо утолщенными концами относятся к I—II вв. (Kazanski, Périn 1988: 23—24; Засецкая и др. 2007: 56), впоследствии концы таких браслетов расширяются уже значительно.

Подробно их типология и хронология пока не разработаны. Исключением из общего состояния исследований являются отдельные работы.

Первым подробно рассмотрел браслеты с утолщенными концами О. Клееманн (Kleemann 1951). Он предложил общие критерии для формального описания и типологии этих украшений: размеры утолщенных концов относительно корпуса браслета, сечение и массивность концов, орнамент, материал.

Из последних по времени необходимо упомянуть монографию Б. Вюрер о браслетах эпохи Меровингов. Проанализировав их типологию и географию находок, исследовательница продемонстрировала широкое распространение браслетов с сильно утолщенными концами начиная с V в. (Wührer 2000: 10—46).

По материалам Восточной Европы такая работа пока не проделана, поэтому ниже будут приведены лишь отдельные наиболее показательные примеры в качестве аналогий.

Браслеты с утолщенными концами, найденные в псковских длинных курганах, разделяются на две группы.

Первую составляют всего два фрагментированных браслета, **орнаментированные бороздками** вокруг круглых в сечении концов (рис. 3: 1). Им близки браслеты типа А.3.3 по Б. Вюрер — бронзовые, орнаментированные группами вертикальных врезных линий или бороздок, намеченных при литье. Территория их распространения в Западной Европе простирается от Рейнской области через Южную Германию вплоть до Италии; в Бельгии и Франции браслеты этого типа практически отсутствуют. В целом тип датируется VI—VII вв., наиболее поздний экземпляр может быть отнесен к концу VII — началу VIII в. (Wührer 2000: 30—32).

Браслеты с утолщенными концами, украшенными параллельными врезными линиями, хорошо известны в пражской культуре на памятниках VII в. (Werner 1991: 287—288; Ауліх 1972: 67, табл. 13: 1—12), в пеньковских (Приходнюк 1998: рис. 66: 7, 70: 9, 71: 4) и колчинских памятниках (Горюнов 1981: 62).

Другую, более многочисленную группу составляют браслеты с утолщенными концами, украшенными **геометрическим орнаментом**. Основные элементы орнамента — двойные врезные линии, вертикальные или наклонные, часто образующие косые кресты (рис. 3: 2—3). Орнамент на браслетах из КПДК не подразделяется поперечными линиями на отдельные зоны — плавные косые кресты занимают значительную часть концов браслетов, смыкаясь концами друг с другом.

В Западной Европе браслеты с литым или гравированным геометрическим орнаментом выделены Б. Вюрер в тип А.3.8 (Wührer 2000: 42—44) и датируются от 450—480 гг. до 670/680 гг. Однако орнаментация западноевропейских браслетов типа А.3.8 не находит точных соответствий в материалах КПДК.

Браслет с расширенными овальными в сечении концами и геометрическим орнаментом найден в краевой насыпи могильника с оградками Кохтла-Ярве I (Шмидехельм 1955: 133, рис. 32: 8). Еще один бронзовый браслет с утолщенными концами, украшенными группами вертикальных и пересекающихся косых линий, происходит из литовского могильника Пашушвис (Корзухина 1978: табл. 26: 5). Этими двумя предметами практически исчерпывается круг близких аналогий для браслетов КПДК в Юго-Восточной Прибалтике. Все остальные известные здесь браслеты с утолщенными концами только отдаленно напоминают интересующие нас (см., напр. Moora 1929: 109—110).

Два бронзовых браслета с круглыми в сечении концами, орнаментированными врезными двойными линиями (чередующиеся косые кресты и вертикальные полосы) найдены на дьяковском Успенском городище. И. Г. Розенфельдт сопоставила эти браслеты с находками из Прибалтики и финских могильников Волго-Окского междуречья. Опираясь на датировки А. К. Амброза и Ю. А. Краснова, она отнесла браслеты с Успенского городища к V—VII вв. (Розенфельдт 1982: 85). И. Р. Ахмедов и М. М. Казанский, рассматривая постгуннские древности в Восточной Европе, предложили для браслетов Успенского городища практически ту же дату (V век или более позднее время) (Ахмедов, Казанский 2004: 174). Г. С. Лебедев счел браслеты Успенского городища точной аналогией встреченным в насыпи у д. Репьи и отчасти на этом основании датировал исследованный им комплекс (Лебедев 1978: 98). Однако браслеты из Успенского и из Репьев различаются целым рядом существенных деталей: формой самих браслетов, сечением концов, деталями орнамента.

Е. А. Горюнов опубликовал браслеты со слабо утолщенными концами с орнаментом из перекрещивающихся двойных и тройных косых линий из могильника Шестовицы, отнес их ко второй четверти — середине I тыс. н. э. (Горюнов 1981: рис. 12: 14, 15).

Экземпляр с резко расширяющимися почти овальными в сечении концами, украшенными геометрическим орнаментом, в том числе и пересекающимися косыми двойными линиями, происходит с поселения V—VII вв. Воробьевка-2 на Днепровском Левобережье (Горюнов 1981: рис. 14: 6). Он отчасти напоминает браслет из Полибина, но концы воробьевского браслета расширяются гораздо резче, и сама схема орнаментации все же иная — браслеты с той же, что в Воробьевке, орнаментальной схемой найдены на городище Никодимово, погибшем в конце VII — нач. VIII в. (Родинкова, Седин 2004: рис. 1: 1—5).

В. Шиманьски, рассматривая браслет с утолщенными концами с городища Шелиги, отмечал, что узор из врезных линий, скрещенных наподобие ромбов, сближает шелигский браслет с браслетами из Южной Германии и Добруджи (Szymański 1967: 38—39). Уточненная дата самого городища Шелиги — начало VII в. (Parczewski 1988: 148, 191).

Литые браслеты с расширяющимися концами (но несколько иной, чем в КПДК, орнаментацией) входят в состав «антских» кладов (Колосковского, Мартыновского,

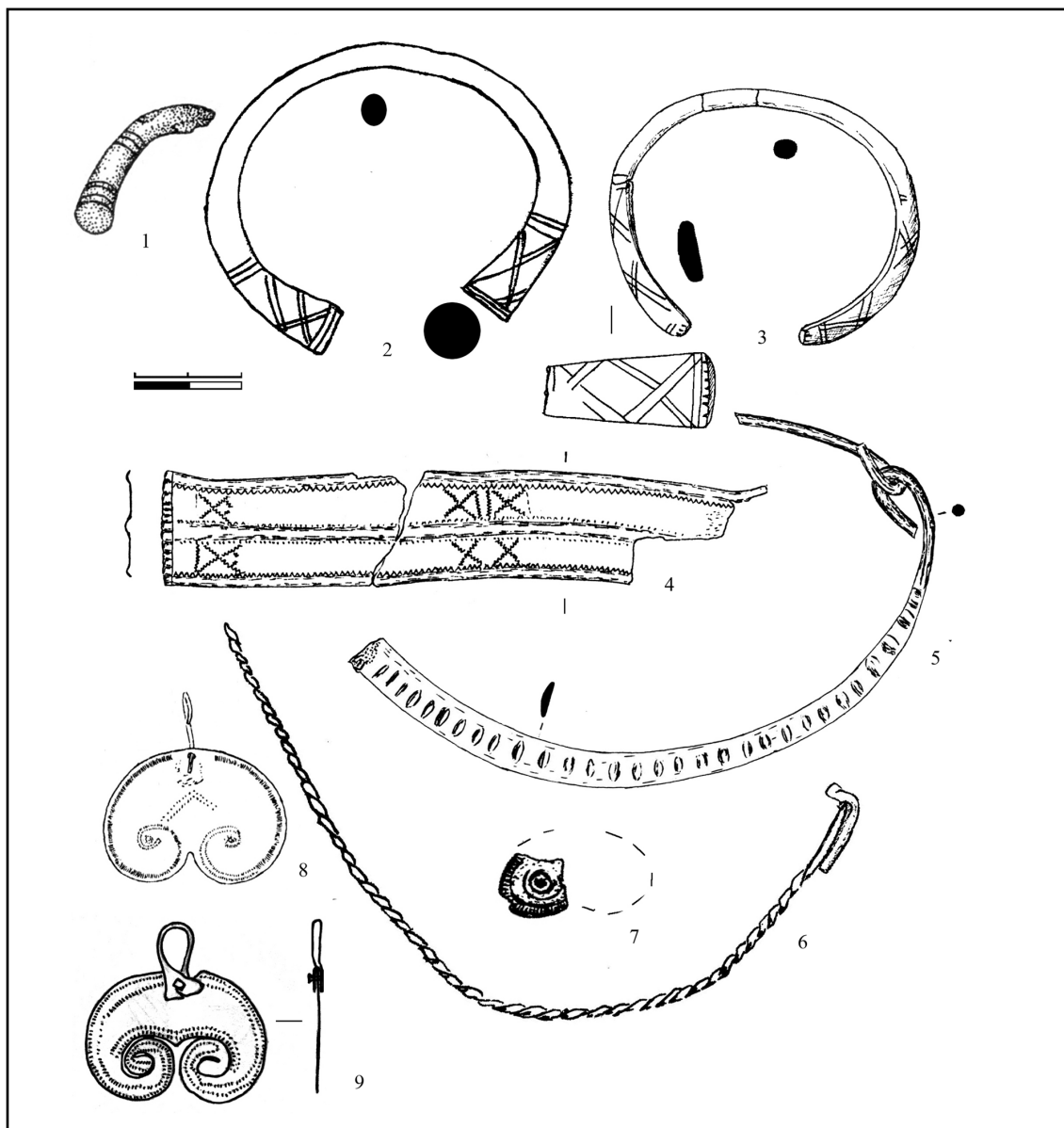

Рис. 3. Хронологические индикаторы фазы II A. Браслеты, гривны и привески: 1—3 — литые браслеты с утолщенными концами; 4 — браслет с продольными «ребрами»; 5, 6 — шейные гривны; 7 — миниатюрная литая пельтовидная лунница; 8, 9 — пластинчатые пельтовидные привески. 1 — Шихино, к.16, п. 2 (по: Исланова 2006); 2 — Обрынь, к.6 (по: Чернягин 1941); 3 — Репьи, п. 6 (рис. автора); 4, 5 — Городня, к.13, п. 3 (рис. А.А. Александрова); 6 — Шихино, к.30, п. 3 (по: Исланова 2006); 7 — Березно I, к. 15, п. 1 (рис. автора); 8 — Горско, высокий курган (рис. А.А. Александрова); 9 — Рысна-Сааре II, к. 2, п. 4 (рис. А.Г. Фурасьева). (1—6, 8 — бронза; 7 — оловянистый сплав, 10 — серебро).

Fig. 3. Chronological indicators of phase II A. Bracelets, neck-rings and pendants: 1—3 — massive bracelets thickening to ends; 4 — a bracelet with lengthwise ridges; 5, 6 — neck-rings; 7 — a miniature molten pelta-shaped lunar pendant; 8, 9 — plated lunar pendants. 1 — Shikhino, barrow 16, grave 2 (after Исланова 2006); 2 — Obrynya, barrow 6 (after Чернягин 1941); 3 — Repji, grave 6 (drawing by E. Mikhaylova); 4, 5 — Gorodnya, barrow 13, grave 3 (drawing by A. Alexandrov); 6 — Shikhino, barrow 30, grave 3 (after Исланова 2006); 7 — Beryozno I, barrow 15, grave 1 (drawing by E. Mikhaylova); 8 — Gorsko, the high barrow (drawing by A. Alexandrov); 9 — Rösna-Saare II, barrow 2, grave 4 (drawing by A. Furasiev). (1—6, 8 — bronze; 7 — tin alloy, 10 — silver).

Ново-Одесского, Полтавского, Козиевского, Мало-Ржавецкого, Велико-Будковского) (Горюнова 1992). Принятая в настоящее время дата этих кладов — VII век (Щеглова 1990; Гавриутхин, Обломский 1996: 53—57, 140—148).

В роменских древностях браслеты из круглого в сечении дрота с расширяющимися концами представляют собой одну из двух основных групп браслетов — они появляются здесь в второй половине VIII—IX в., широко распространяются в X в., а в несколько

видоизмененном виде существуют и позднее (Григорьев 2000: 134—135).

Наконец, дротовые браслеты с расширяющимися концами учтены В.П. Левашевой в древнерусских памятниках. Помимо Зарайского клада IX—X вв., исследовательница указывает единичные экземпляры из курганных погребений XI—XII вв. в Приладожье, Подмоскowie и в бассейне р. Ипать (Левашева 1967: 214).

Пластинчатые **браслеты с продольными валиками**, или «ребрами» (одним — тремя), найдены в нескольких могильниках и в нижнем слое Изборского (Труворова) городища, где очевидны традиции носителей культуры длинных курганов (Седов 2002: 64). Поверхность некоторых из них покрыта гравированным орнаментом (рис. 3: 4).

Ранним временем датируются фрагменты пластинчатых браслетов с продольным ребром из поселения Курово 2 (Исланова 1997: рис. 19: 13) и многослойного городища Варварина Гора (Буров 2003: рис. 85: 114а, 200).

Пластинчатые браслеты с продольными выпуклыми ребрами по краям и/или центру представлены в древностях Балтийского бассейна, начиная с римского времени и вплоть до средневековья. Можно указать их находки в Эстонии (Moora 1929: Taf. 26:4; 1938: 440—445; Moora 1962: рис. 3.8; Шмидехельм 1955: рис. 20: 9, 32: 9; 1959: табл. IX: 11, 12), Латвии (Грушина 1990: 22), в Финляндии (Kivikoski 1973: Taf. 33: 262, 50: 454). В балтских древностях Латвии и Литвы эти браслеты, как и находки в псковских длинных курганах, часто украшены гравировкой (Aspelin 1884: 343, fig. 1850, 1851; Latvijas... 1974: pl. 37: 34, 41: 32, 34; Stubavs 1976: tabl. 3: 8; Kazakevičius 1993: pav. 187: 2, 23; 191: 2; Vaitkunskienė 1995: fig. 2; Graudonis 2001: fig. 5: 5, 6, 9: 5, 6; 2003: pav. 20: 5, 6), хотя есть и гладкие экземпляры.

Обломки пластинчатых браслетов с одним-двумя выпуклыми ребрами известны в смоленских длинных курганах. На некоторых из них также имеется гравированный орнамент (Седов 1974: табл. 26: 20; Шмидт 2005а: илл. 7: 7—8; 2005б: илл. 7: 8—10).

Несколько напоминают браслеты из КПДК пластинчатые со слабо расширенными концами браслеты роменской культуры, однако техника изготовления отличает роменские браслеты от найденных в длинных курганах. Основная часть роменских пластинчатых браслетов с продольным ребром встречается в ранних памятниках (Фативижский

клад, Волынцевский могильник, городище Новотроицкое), но известны они и в материалах поздних поселений (Ляпушкин 1958: 188; Русанова 1971: 49—50; Григорьев 2000: 134—136).

Таким образом, пластинчатые браслеты с продольными «ребрами», иногда украшенные гравированным орнаментом, известны преимущественно на территории Прибалтики начиная с римского времени и вплоть до VIII—IX вв. В VIII—IX вв. подобные браслеты распространяются и в бассейне Днепра.

Шейные гривны и их фрагменты относятся к нескольким хорошо известным типам.

Гривны с замком в виде посоха хорошо известны в Юго-Восточной Прибалтике. Этот тип гривен существует уже в середине VI в., как показывает находка в погр. 145 литовского некрополя Плинкайгалис (Kazakevičius 1993: pav. 145: 1, 3), датирующейся по фибулам литовского варианта типа Доллякайм/Коврово (Bitner-Wróblewska 2001: 48—50). Другие находки подобных гривен обычно относят к VII—VIII вв. (Urtāns 1972: № 30, att. 62: 3; № 33, att. 65:1; № 34, att. 66:3; № 35, att. 67: 1, 2, 4, 5; Semigallians 2005: № 63, 119; Selonians 2007: № 86) или к еще более позднему времени (Semigallians 2005: № 214, 234, 977; Selonians 2007: № 132). Восточнее гривны с замками в виде посоха немногочисленны: можно назвать гривну из клада у дер. Узмино (Корзухина 1954: табл. 3) и находку на тушемлинском поселении Вязовенка (Шмидт 1994: рис. 5: 5). В псковских длинных курганах тордированная гривна с замком в виде посоха найдена в Шихино (рис. 3: 6). Отдаленной аналогией можно считать и уплощенную гривну с загнутыми крючком концами из Городни (рис. 3: 5).

Гривны с обмоткой из бронзовой проволоки в КПДК представлены лишь фрагментами, не дающими представления о полном облике этих украшений. Речь может идти об одном из двух типов гривен.

Во-первых, это могли быть так называемые гривны окского типа, с проволоочной обмоткой концов и нанизанными на них металлическими бусинами, широко распространенные в лесной зоне Восточной Европы, начиная с римского времени (Корзухина 1978: 60; Розенфельдт 1982: 59; Казанский 1999: 407; Ахмедов 2007: 144; Белоцерковская 2007: 192—193). Однако в псковских длинных курганах фрагменты гривен ни разу не сочетались с металлическими бусами (хотя материалы трупосожжений на стороне и не дают полной уверенности в целостности комплекса).

Другой возможный тип гривен с проволоочной обмоткой — с костылевидным замком относится к более позднему времени. Он представлен в древностях латгалов в VI—VIII вв. (см., напр.: Шноре 1957: 26; Седов 1987: табл. CVI: 15, 20), в погребениях из смоленских длинных курганов (Арефино, Колодня) (Енуков 1990: 55; Шмидт 2005в: илл. 21: 5, 27: 2—6; 2005а: с. 116, илл. 18: 9).

Фрагменты односторонних **наборных костяных гребней** обнаружены в материалах эстонского могильника Рысна-Сааре I. По мнению М. Аун, они находят свои ближайшие узко датированные аналогии среди готландских гребней VII в., что соответствует радиоуглеродной дате одного из погребений с гребнями (Аун 2009: 356—360). По невыразительным обломкам составных гребней из других памятников судить об их форме сложно — возможно, они относятся к тому же типу, что и гребни из Рысна-Сааре.

Пластинчатые пельтовидные привески из могильника Любахин I были определены С. Ю. Каргапольцевым и И. А. Бажаном как изделия в стиле Сесдала, относящиеся к ступени D2 центральноевропейской хронологической схемы (1993). Однако такие привески из псковских длинных курганов (сюда относятся находки из могильников Любахин I, Рысна-Сааре II и Горско — возможно, это детали конской узды) в действительности скромно орнаментированы рядами штрихов или точек по краю и лишь отдаленно напоминают предметы стиля Сесдала (рис. 3: 8—9).

Кроме того, в последнее время опубликован ряд подобных привесок из комплексов более позднего времени.

Похожая на привески из КПДК, но литая орнаментированная пельтовидная лунница встречена вместе с фибулой с прямоугольной головкой и ромбической ножкой в погр. 271 прусского могильника Лелешки, датирующемся последней четв. VI — нач. VII в. (Kowalski 1991: рис. 2).

В могильнике Едыс в Южной Осетии такая серебряная привеска с приклепанным ушком, орнаментированная по краям пуансоном, была найдена в погребении вместе с пряжкой с овальной рамкой и литым ажурным щитком с тремя каплевидными отверстиями (Дзаттиаты 2006: 19, рис. 11: 10, 16). А. И. Айбабин отметил типологическую связь таких пряжек (в том числе кавказских) с византийскими VII в. (Айбабин 1990: 48, рис. 44: 7).

Нужно упомянуть также о находке пельтовидных лунниц в погребении 166 могильника Беккегорд на Борнхольме. Это парные

бронзовые украшения с концами в виде головок животных, украшенные штампованными кружками, в которых заметны следы черного пигмента. Погребение относится к фазе 2с германского железного века на Борнхольме по К. Хейлунд Нильсен, т. е. датируется серединой — второй половиной VIII в. (Jørgensen 1990: 37, pl. 25).

В последней по времени работе о подобных подвесках-лунницах В. Е. Родинкова, касаясь находок из Лоози и Горско, указала существование для них аналогий в литовских древностях VIII в. (Родинкова 2003: 16).

Кроме пластинчатых, в псковских длинных курганах встречены миниатюрная **пельтовидная лунница из свинцово-оловянистого сплава** (Березно I) (рис. 3: 7) и формочки для отливки таких лунниц (курган в Лоози, селище Съезжее). Аналогичные формочки с негативами пельтовидных лунниц происходят с позднедьяковских селищ (Кирино) и поселений удомельского типа (Подол III, Осечен) (Фурасев 1996: рис. 11: 11; Исланова, Мирецкий 1997: 16, рис. 2: 3; Вишневецкий 1998: 365, рис. 2: 25, 26).

О. А. Щеглова, собрав значительный материал о свинцово-оловянистых украшениях и формочках для их отливки, затруднилась узко датировать формочки с негативами привесок-лунниц (Щеглова 2002: 140, рис. 5: 1—5). Узкая датировка этих предметов, по видимому, вообще редко возможна.

Так, осеченская формочка несет на себе изображения трех разнотипных лунниц. В центре — форма для отливки крупной трехрогой лунницы с инкрустацией посередине, имеющей аналогии в Венгрии V в. Рядом — лунница с длинным центральным рогом и имитацией насечек или тиснения по краю с возможными аналогиями в Центральной Европе и в погребении стадии С рязанского могильника Борки. В нижней части каменной плитки — лунница со спиральными концами (пельтовидная), находящая соответствия, в частности, в материалах КПДК (Исланова, Мирецкий 1997: 16).

Довольно широкую хронологическую привязку несет на себе формочка из Лоози, где, кроме негатива пельтовидной привески, вырезаны изображения двух трапецевидных привесок. Одна из них находит аналогии в наборе формочек из Бернашевки. Опубликовавший этот памятник И. И. Винокур датирует комплекс концом V — сер. VI в. (1997: 39). И. О. Гавритухин относит мастерскую из Бернашевки ко второй фазе пражской культуры (середина VI — нач. VII в.), а сам памятник датирует скорее рубежом VI—VII вв.

(2005: 415). К мнению И.О. Гавритухина, насколько можно судить, присоединяется и О.А. Щеглова (2002: 137). Однако абсолютно аналогичные отливки трапециевидных привесок имеются в комплексе оловянистых украшений из горизонта Е3 Староладожского Земляного городища (760-е гг.) (Рябинин 1985: 66, рис. 23: 3).

Узкая прямоугольная накладка с вогнутыми продольными сторонами, орнаментированная насечками, из могильника Березовский Рядок (рис. 2: 10), выпадающая из общего стиля поясной гарнитуры КЖДК, имеет вполне определенный круг аналогий в восточнофинских памятниках.

Очень похожи на нее накладки из Безводнинского и Шатрищенского могильников. Хронология рязано-окских могильников, в том числе Шатрищенского и Никитинского, недавно подробно разобрана И.Р. Ахмедовым и И.В. Белоцерковской. Погребения с прямоугольными бляшками с вогнутыми длинными сторонами, в том числе погр. 50 и 91 из Шатрищ и 18 из Никитино, И.Р. Ахмедов отнес к выделенным им периодам 3В и 3С мужских погребений, датирующимся V в. (Ахмедов 2007: 146—150). В типологии вещей Безводнинского могильника подобные накладки составляют тип V, в целом датирующийся VI—VII вв. (Краснов 1980: 65, 66, рис. 40, 2; 42: 10, 14).

Аналогичная накладка обнаружена в погребении 18 могильника Никитино, где среди прочих вещей имела также В-образная рифленая пряжка (Воронина, Зеленцова, Энгватова 2005: 64, рис. 45: 2).

В качестве более отдаленных аналогий накладке из Березовского Рядка можно указать находки с дьяковского городища Луковня (Розенфельдт 1982: 114, рис. 28: 10) и из могильника Польное—Ялтуново (погр. 3) (Алихова 1958).

Накладка из Березовского Рядка, как и перечисленные выше аналоги, относится к восточноевропейской поясной гарнитуре «постгуннской» традиции. Комплект такой гарнитуры включал в себя большое число продолговатых вертикально крепящихся пластинок, покрывавших всю поверхность ремня или ее часть (Гавритухин, Обломский 1996: 29, рис. 88: 6). Такая поясная гарнитура сформировалась в русле римской пограничной традиции начала V в., известной от Шотландии до Урала (Kazanski 1993: 121—124).

Верхняя дата бытования накладки из Березовского Рядка может определяться со-

вместным нахождением аналогичной накладки с деталями геральдической поясной гарнитуры и поздней псевдорифленой В-образной пряжкой на селище Усть-Черная в ярославском течении Волги (Леонтьев 1994: 225, рис. 1: 1). Именно накладка из Усть-Черной (как и одна из безводнинских) наиболее точно соответствует находке из Березовского Рядка по форме и оформлению коротких краев.

Шпоры с коротким шипом и крючками для крепления к обуви к настоящему времени найдены в одном могильнике (Дорохи IV) и на двух поселениях: селище Горка в бассейне р. Плюссы (раскопки С.Г. Попова) (Попов 2010: 372, рис. 5: 9) и селище Заозерье в бассейне р. Мсты (раскопки В.Я. Конечного)⁵.

Находки таких шпор в Восточной Европе уже привлекали внимание исследователей (Перхавко 1978; Седов 1995: 93—96; Kazanski 1999, 2007: Appendix n° 3). Последние по времени обзоры находок таких шпор в Центральной Европе принадлежат А. Реттнеру и П. Шлеммер (Rettnер 1997; Schlemmer 2004).

Наиболее ранние находки шпор с коротким шипом и крючками в Восточной Европе представлены в черняховских памятниках (Белая Церковь) и на ряде городищ лесной зоны (Дедиловичи, Лабенщина, Девички). Они известны и на более поздних памятниках — на тушемлинских поселениях (Некасецк, Городище Минской обл., Никодимово) (Перхавко 1978: 122; Митрофанов 1978: рис. 54: 6; Седин 1992: рис. 2: 3—4) и в памятниках колочинской культуры (Перхавко 1978: 122; Kazanski 1999: II. 14).

Шпоры с крючками известны также на ряде памятников Юго-Восточной Прибалтики, в целом датирующихся в пределах середины — третьей четверти I тыс. н.э. (Moora 1929: Taf. 32: 6; Stubavs 1976: tab. XI: 11; Kazakevičius 1993: 80, pav. 136: 1).

Шпора из Дорохов с асимметричной основой относится к типу V-a по В.Б. Перхавко; по мнению А. Реттнера, такие шпоры с пластинчатым сечением дуги составляют типологически более архаичную разновидность шпор с коротким шипом и крючками, однако он отмечает такие находки вплоть до 700 г. (Rettnер 1997: 140ff). Этому соответствует радиоуглеродная дата, полученная для селища Горка (Попов, Хвошинская 2007: 215).

⁵ О не опубликованной находке из Заозерья любезно сообщил автор раскопок.

Хронологические индикаторы фазы II В (VIII в.)

Головные венчики, составленные из украшенных пронизками шнуров и соединяющих эти шнуры пластинчатых обоймиц, — широко распространенное женское украшение. Головные венчики культуры псковских длинных курганов фазы II В обладают рядом характерных деталей, из которых в археологическом материале наиболее заметны узкие прямоугольные бляшки-обоймицы⁶ и миниатюрные четырехугольные провололочные пряжки, служившие застегивками венчиков (рис. 4: 1).

Описываемые здесь бляшки-обоймицы отличаются очень широкими загнутыми с задней стороны полями — поля перекрывают всю высоту обоймицы, существенно заходя краями друг на друга. Эта особенность лишний раз подчеркивает их функциональное назначение — надежно охватить полями несколько нитей или ремешков с пронизками. Такие обоймицы выделяются и орнаментом: горизонтальные штрихи или выпуклые точки, нанесенные по длинным краям бляшек-обоймиц, более мелкие, чем на других прямоугольных бляшках-обоймицах, а центр поля лишен орнамента.

Аналогии описываемым бляшкам-обоймицам и сложным венчикам довольно многочисленны. Подобные, но не идентичные, накладки характерны для смоленских длинных курганов (Енуков 1990: 54, рис. 14: 11—15; Шмидт 2005в: илл. 19: 19, 27: 8) и синхронных им древностей Литвы и Латвии (Зариня 1986: рис. 60; Волкайте-Куликаускаене 1986: рис. 53, 54; Vaškevičiūtė 2004: lp. 47, 58). Наиболее ранние венчики летто-литовских племен, скрепленные пластинчатыми обоймицами, можно датировать VIII в. (Зариня 1986: 180). В предшествующее время в состав головных

венчиков входят массивные литые пластины-разделители (Вашкявичюте 1989).

Отдаленной аналогией следует считать часть венчика, набранного из бляшек-обоймиц и провололочных колечек, нанизанных на узкие ремешки, найденную на Маяцком селище (Винников, Плетнева 1998: рис. 20: 1).

Узкая прямоугольная бляшка-обоймица, аналогичная находкам из КПДК, найдена в напластованиях VIII в. Староладожского Земляного городища. Ее поля на тыльной стороне соединены друг с другом специальным вырезом; внешняя сторона орнаментирована рядами коротких горизонтальных штрихов вдоль продольных краев бляшки (Старая Ладога... 2003: 74, рис. 126). Примечательно, что на Земляном городище найдена и каменная литейная формочка для отливки бронзовых трубочек «для головного венчика финского типа» (Давидан 1980).

Наиболее поздние головные венчики из нескольких рядов пронизок, соединенных прямоугольными бляшками-обоймицами, встречены в древнерусских подкурганых ингумациях конца X—XI в. (см., напр.: Штыхаў 1992: мал. 7; Успенская 1993: рис. 4, 6; Степанова 2010: 287, рис. 2: 3).

Полихромные мозаичные стеклянные бусы известны всего в нескольких комплексах и часто сильно оплавлены.

Наиболее точному определению поддается бусина, найденная в могильнике Поддубье III. Это поперечно-проколота бусина, изготовленная из желтой стеклянной палочки, покрытой тонким слоем коричневого стекла и затем белыми и черными полосками) (Лесман 1980: 19). Поперечно-проколотые мозаичные бусы из многослойных в разрезе и полосатых снаружи стеклянных стерженьков З.А. Львова отнесла к группе I бус Старой Ладоги, датирующейся в пределах VIII—IX вв. (Львова 1968: 68). К сходным выводам пришла В.Б. Деопик, изучая бусы из могильников Крыма и Северного Кавказа (Деопик 1961: 224—228).

Сравнительно многочисленны и разнообразны бусы, найденные в грунтовом погребении I могильника Березицы VI (Соболев 2008: 131—132, рис. 4: 9—12). Все бусины сильно оплавлены, но можно различить, что в состав ожерелья входили: цилиндрическая бусина из зеленого (?) глухого стекла с наложенной белой или светло-желтой поперечной полосой, небольшие оплавленные темно-синие прозрачные зонные бусины с пояском из небольших гладких белых глазков; округлые бусы из светло-зеленого и светло-

⁶ Первоначально бляшки-обоймицы культуры псковских длинных курганов были мною разделены по своей форме и орнаментации на две основные группы — квадратные и прямоугольные (Михайлова 2007б). Однако в дальнейшем прямоугольные бляшки-обоймицы удалось дополнительно разделить на две подгруппы, различающихся как своими морфологическими признаками, так и датировкой. Прямоугольные бляшки-обоймицы первой подгруппы — деталь женского убора восточной области КПДК, в то время как бляшки-обоймицы второй подгруппы не имеют определенной географической привязки, одновременно являясь хронологическим индикатором фазы II В (Михайлова 2009: 8—9).

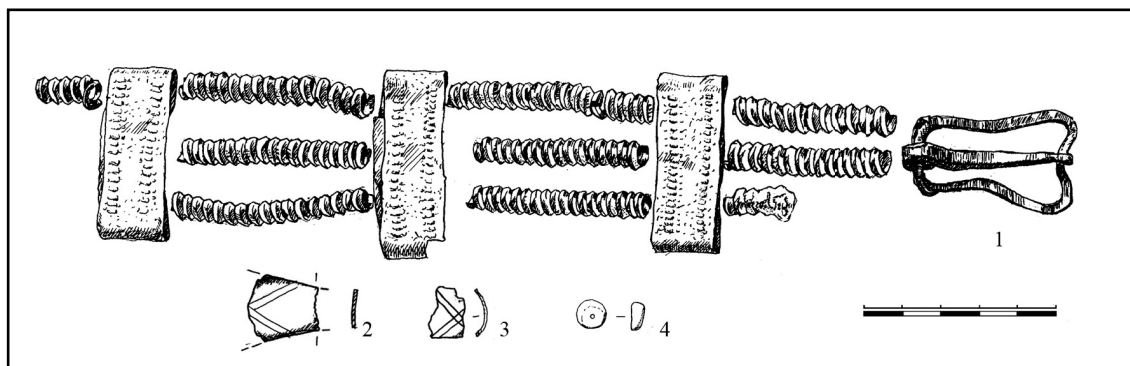

Рис. 4. Хронологические индикаторы фазы II B: 1 — сложный головной венчик с проволоочной пряжкой; 2, 3 — пластинчатый браслет с геометрическим орнаментом; 4 — уплощенно-шарообразная бусина. 1 — Казихи, к. 19 (по: Седов А-1966); 2, 3 — Куреваниха III, к.16, п. 2 (по: Башенькин, Васенина 2007); 4 — Репьи, погр. 6 (рис. автора) (1—3 — бронза; 4 — сердолик).

Fig. 4. Chronological indicators of phase II B: 1 — complex headband with wire buckle; 2, 3 — a plated bracelet with geometrical ornament; 4 — flattened spherical bead. 1 — Kazikhi, barrow 19 (after Седов А-1966); 2, 3 — Kurevanikha III, barrow 16, grave 2 (after Башенькин, Васенина, 2007); 4 — Repji, grave 6 (drawing by E. Mikhaylova) (1—3 — bronze; 4 — cornelian).

желтого прозрачного стекла; черная округлая или зонная бусина, инкрустированная белой полосой; бусина из так наз. слоеного черного стекла с желтыми разводами⁷.

Эти бусы также находят близкие аналогии в материалах староладожского Земляного городища. Большинство из них относятся к так наз. крученым бусам (IV группа по З.А. Львовой), изготовлявшимся из толстого стеклянного листа, обернутого вокруг стержня, и потом декорированным. Наиболее близки находки из Березицкого могильника бусам первой и второй подгрупп IV группы; основная масса этих бус (за исключением бус из молочно-белого стекла) выпадает на уровне построек горизонта Д (т.е. в 920—930-х гг. (Черных 1985: 79; 1996: 113)) и находит аналогии главным образом в Северной Европе (Львова 1968: 73—78).

Бусы из слоеного стекла (V группа бус по З.А. Львовой) на Земляном городище немногочисленны и не образуют единой серии ни типологически, ни хронологически. Интересно, что черные слоенные бусы с молочно-белой прослойкой (серия из 4 экземпляров) на Земляном городище также сосредоточены на уровне построек горизонта Д и Д_{верхнее} (Львова 1968: 80).

В целом, полихромные бусы (мозаичные и глазчатые) в лесной зоне Восточной Европы

массово распространяются только с последней четверти I тыс.н.э., будучи в основном привозными украшениями.

Маленькая **сердоликовая бусина уплощенно-округлой формы** представлена единственной находкой из нижнего яруса насыпи у д. Репьи (рис. 4: 4).

Небольшие шаровидные бусы из сердолика широко распространены в памятниках Юго-Восточной Европы. Наиболее многочисленны шарообразные сердоликовые бусины в Чир-Юртовском и Салтовском могильниках (Деопик 1961: 210; Ковалевская 1998: 17). Известны сердоликовые бусы этого типа и в древностях Подунавья V—VI вв. (см., напр.: Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006: 56).

В лесной зоне Восточной Европы шаровидные сердоликовые бусы встречаются в материалах Староладожского Земляного городища, начиная с самых нижних отложений вплоть до напластований X в. (Рябинин 1995: 58—59; Кирпичников 2007: табл. 1: 8—10). По мнению исследователей, этот факт хорошо документирует путь продвижения сердолика с Кавказа на север Европы (такие бусы присутствуют в погребениях Бирки IX—X вв.) по Волжскому пути, складывающийся в сер. VIII в.

Две небольшие бусины неправильной шаровидной формы найдены в пойменной части Гнездовского селища в комплексах середины — второй половины X в. (Френкель 2007: 89, 108, рис. 12: 52).

Верхняя граница бытования мелких шарообразных сердоликовых бус на северо-западе Восточной Европы определяется уже матери-

⁷ Приводимая здесь характеристика стеклянных бус сделана в результате изучения коллекции предметов из могильника Березицы VI, хранящейся в Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева Факультета социологии СПбГУ.

алами Великого Новгорода (Полубояринова 1994: 75).

Пластинчатый браслет с геометрическим орнаментом. Фрагменты вогнутого пластинчатого браслета неравномерной ширины с орнаментом из косо перекрещивающихся двойных врезных линий обнаружены в могильнике Куреваниха III, в том же кургане 16, из которого происходят детали сложного головного венчика (рис. 4: 2—3). Возможно, этот браслет был аналогичен находке на мерянском селище Пужбол I: бронзовому пластинчатому браслету с расширяющейся серединой, с концами, орнаментированными вертикальными и перекрещивающимися косыми сдвоенными врезными линиями. По мнению А. Е. Леонтьева, такие браслеты датируются VIII в. и позднее (Леонтьев 1994: 64, рис. 18: 11).

Еще одна находка пластинчатого браслета с орнаментом из косых крестов и поперечных насечек, образованных двойными линиями, но со слабо расширяющимися концами, происходит из селища Прость под Новгородом. Браслет был найден в котловане, заполнение которого датируется VIII в. на основании данных радиоуглеродного анализа. Вещевой материал из котлована свидетельствует в пользу той же даты (Плохов 2008: 156—158, рис. 1: 13).

Период III — финальный период существования КПДК (IX — нач. XI в.).

Хронологические индикаторы

Проволочные височные кольца имеют в целом очень широкую дату. Для псковских длинных курганов такие находки не характерны (Седов 1974: 32; 1995: 227). Тем не менее, известно несколько находок различных типов — перстнеобразные, с завитком и с согнутыми крючком концами.

Простые проволочные кольца небольшого диаметра — так наз. **перстнеобразные** распространены в конце I — нач. II тыс. чрезвычайно широко и не поддаются ни локализации, ни узкой датировке (рис. 5: 1—2).

Концы височных колец из кургана 21 в Казихах **согнуты крючком** так, что их можно сцепить друг с другом (рис. 5: 3). Эти кольца имеют аналогии в древнерусских ингумациях XI—XII вв. (напр.: Спицын 1903, табл. XXIV: 1, 24; Шмидт 1957: табл. II: 9).

Проволочное височное кольцо **с завитком наружу** из высокой насыпи могильника Которск IV (рис. 5: 4) также не имеет аналогий в материалах КПДК. В Которском комплексе памятников височное колечко с за-

витком, к которому пятиугольной обоймицей крепилась цепочка с трапециевидной привеской, было найдено в кургане 5 курганной группы Которск IX (погребение датируется 1055—1134 гг. по новгородской археологической шкале), в непосредственной близости от группы Которск IV.

Три височных колечка с завитком найдены в Старой Ладогe: два на Земляном городище и одно — на территории каменной крепости (Кирпичников 1980: рис. 21). А. Н. Кирпичников собрал ряд датированных аналогий этим находкам. Древнейшие происходят со славянских поселений Побужья, а на территории лесной зоны Восточной Европы височные кольца с завитком относятся к VIII—XI вв. или еще более позднему времени. Такие кольца встречены в смоленских длинных курганах (Седов 1974: табл. 26: 1; Шмидт 2005б: илл. 11: 4). Четыре кольца этого типа происходят из нижнего слоя Изборского (Труворова) городища (Седов 2007: 93, рис. 74: 1—3, 6). Три таких кольца происходят из слоя черного гумуса на поселении Прость (Носов, Плохов 2002: 171). Отметим также находку фрагмента бронзового височного кольца с завитком на селище второй половины X—XI в. Нестеровичи (Конечский 1991: 101). Фрагментированное серебряное проволочное колечко с завитком найдено в культурном слое поселения Курская Гора, датирующегося в пределах IX — нач. X в. (Клубова 1992: 23).

Небольшие височные кольца с завитком наружу входили в состав престижного древнерусского убора. Например, золотое височное колечко с завитком встречено в составеклада XI в. из суздальского кремля (Седова 2001: 24—25, рис. 1: 4).

Наиболее поздние височные кольца с завитком происходят из курганно-жальничного могильника Кривовицы под Псковом, где были найдены в жальничной грунтовой могиле № 30 (8) (Глазов 1903: 70).

Две крупные удлиненные **14-гранные сердоликовые бусины** происходят из грунтового погребения в могильнике Березицы VI (рис. 5: 5).

14-гранные сердоликовые бусы широко представлены в древностях Юго-Восточной Европы и Подунавья, начиная с поздне римского времени (см., напр.: Деопик 1961: 210; Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006: 56), однако это небольшие уплощенные бусины, отличающиеся по размерам и пропорциям от крупных березицких экземпляров.

Крупные 14-гранные бусы из сердолика появляются позднее, распространяясь с юга

на север. Они, в частности, отмечены в словацких памятниках VIII в. (Müller v. 1970: 55). В Ладоге эти бусы появляются с горизонта Е1 (с 860-х гг.) и получают свое наибольшее распространение уже в слое Д Земляного городища (в первой пол. X в.) (Рябинин 1995: 58; Кирпичников 2007: табл. 1: 5, 7). Они представлены в Нижнем Поволжье в сопках и в курганном могильнике Плакун (Петренко 1994: 74, рис. 33: 3; Назаренко 1985: 167, рис. 6: 4, 6).

Такие бусы употреблялись и позднее, будучи достаточно характерны уже для древнерусских поселений X—XI вв. В пойменной части Гнездовского селища 14-гранная бусина найдена на раскопе П-2 в напластованиях XI в. (Френкель 2007: 92, рис. 6: 9). Исследователи Передольского погоста, основываясь на материалах преимущественно Старой Ладоги и Новгорода, предложили датировать 14-гранные бусы из сердолика на поселениях Северо-Запада следующим образом: «после 860-х, верхняя дата не очень надежна, но бытуют, по крайней мере, до 1096 г.» (Платонова, Жеглова, Лесман 2007: 182). В новгородских

материалах 14-гранные бусы встречены в напластованиях второй пол. X—XI вв., но одна такая бусина найдена в слое нач. XIII в., еще одна — первой пол. XIV в. (Полубояринова 1994: 75).

Миниатюрная гладкая *широкорогая лунница*, отлитая из оловянистого сплава, происходит из могильника Которск XII (рис. 5: 6). О.А. Щеглова, рассматривая украшения из оловянистых сплавов Восточной Европы VI—IX вв., разделила этот огромный массив оловянистых украшений на приблизительно 40 типов, которые в различных регионах представлены в разных сочетаниях (Щеглова 2001; 2002). Для нашей темы важно отметить, что среди учтенных О.А. Щегловой украшений гладкие широкорогие привески-лунницы отсутствуют, и сама эта форма отсылает нас к славянским и древнерусским украшениям. Так, в своде новгородских ювелирных украшений М.В. Седовой учтено 4 широкорогих лунницы. Две из них найдены в доярусном слое Неревского раскопа, еще две — в напластованиях 28-го яруса (953—972 гг.) того же раскопа (Седова 1981: 24). Любопытно, что

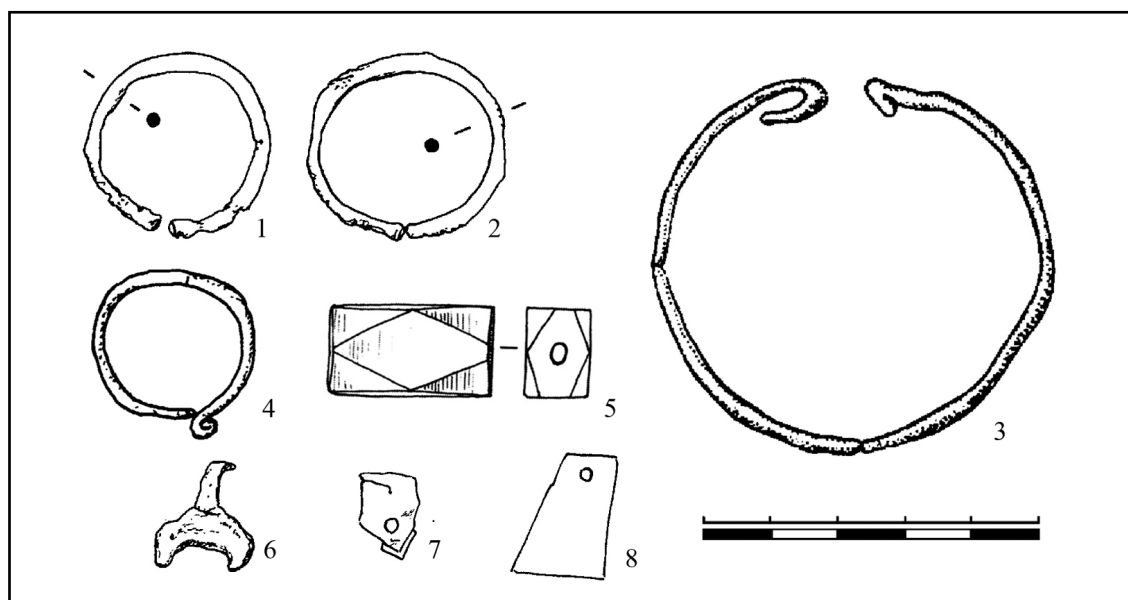

Рис. 5. Хронологические индикаторы периода III: 1—4 — проволоочные височные кольца; 5 — крупная 14-гранная бусина; 6 — гладкая широкорогая лунница; 7 — пятиугольная обоймица для крепления привески к височному кольцу; 8 — гладкая трапецевидная привеска. 1, 2 — Которск XII, к. 1, п. 16 (рис. автора); 3 — Казихи, к.21, п. 1 (по: Седов 1969); 4 — Которск IV, к.1, п. 1 (по: Кузьмин 1991); 5 — Бerezitsy VI, грунт.п. 1 (по: Соболев 2008); 6 — Которск XII, к.1, п. 7 (рис. автора); 7 — Репьи, п. 2 (рис. автора); 8 — Репьи, п. 7 (рис. автора). 1—4, 7—8 — бронза; 5 — сердолик; 6 — оловянистый сплав.

Fig. 5. Chronological indicators of period III: 1—4 — wire temple-rings; 5 — a large polyhedrous bead; 6 — a smooth platycerous lunar pendant; 7 — a pentagonal clip; 8 — a trapezoid pendant without ornamentation. 1, 2 — Kotorok XII, barrow 1, grave 16 (drawing by E. Mikhaylova); 3 — Kazikhi, barrow 21, grave 1 (after Седов 1969); 4 — Kotorok IV, barrow 1, grave 1 (after Кузьмин 1991); 5 — Berezitsy VI, ground grave 1 (after Соболев 2008); 6 — Kotorok XII, barrow 1, grave 7 (drawing by E. Mikhaylova); 7 — Repji, grave 2 (drawing by E. Mikhaylova); 8 — Repji, grave 2 (drawing by E. Mikhaylova). 1—4, 7—8 — bronze; 5 — cornelian; 6 — tin alloy).

все неревские лунницы изготовлены из серебра или биллона. Дешевой имитацией серебряных украшений являлись как раз украшения из олова, свинца, либо сплавов на их основе.

Пятиугольные обоймицы для крепления привесок, происходят из насыпи у д. Репьи: из погребения 2 в нижнем ярусе и из второго, позднейшего яруса, связываемого уже с традициями культуры сопок (рис. 5: 7).

Такие обоймицы хорошо известны в древнерусских материалах из бассейнов рек Луги и Плюссы — к ним крепились трапециевидные привески (такая привеска тоже найдена в нижнем ярусе насыпи у дер. Репьи — в погр. 7) (Михайлова 2007а: 394). За пределами этого региона известна единственная такая обоймица — вместе с проволочным височным кольцом она найдена в нижнем слое Труворова городища (Седов 2007: рис. 74: 3).

Бочонкообразные бусы из заглушенного стекла так наз. печеночно-красного цвета относятся к III группе бус Старой Ладоги по З. А. Львовой, представленных на Земляном городище от горизонта Е3 до уровня построек горизонта Д включительно (Львова 1968: 72—73). Такие бусы хорошо известны в североевропейских древностях VIII—IX вв.: в кладках Готланда (Stenberger 1947: 25, 85, 87), в датированных монетами погребениях в Туне и Бирке (Arne 1934: 23, 71; Arbman 1940: Taf. 120: 6e, 123: 1d, 11b, 11c). Такие же бусы встречены в сопках и древнерусских курганах с ингумациями (Залевская 1982: 53, сн. 21; Кузьмин 2010: рис. 4: 20, рис. 6: 3, 5).

* * *

Рассматриваемые как комплекс, вещи — индикаторы периода III могут быть увязаны только с памятниками раннего этапа древнерусской культуры на Северо-Западе: материалами нижних слоев стратифицированных поселений (в первую очередь — так наз. локальных и протогородских центров) и связанных с ними погребальных и мемориальных памятников (сопки, могильники с поверхностными трупосожжениями, ингумации XI — первой трети XII в.) (Михайлова 2007а). Нетрудно заметить, что все перечисленные комплексы вещей и по набору, и по типам соответствуют тому «минимальному» набору женских украшений, который можно выделить в ранних женских трупоположениях Новгородской земли и который ряд исследователей предлагают отождествить со словенским женским костюмом (ср.: Конецкий, Носов, Хвоцинская 1984).

Заключение.

Краткий очерк развития вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов

Три основных периода развития культуры выделяются в первую очередь по соотношению «внешних» и «внутренних» факторов развития вещевого комплекса.

Первый период отмечен присутствием вещей центрально- и североевропейского происхождения, относящихся к позднеимскому времени или раннему периоду эпохи переселения народов. Эти предметы в течение непродолжительного периода выпадают в погребальные комплексы КПДК и уже не встречаются в ее позднейших памятниках.

Сложение культуры псковских длинных курганов стало одним из эпизодов бурной эпохи великого переселения народов. Важнейшей новацией периода формирования КПДК стало распространение курганного обряда погребения, привнесенного сюда извне. Захоронение сожженных на стороне останков в песчаной насыпи со сложной структурой распространяется в течение V—VI вв. среди населения земель к югу и юго-востоку от Балтийского моря и далее на восток.

Формирование культуры псковских длинных курганов происходит одновременно в нескольких очагах на окраинах будущего культурного ареала — в Двинско-Ловатском междуречье, на побережье Псковско-Чудского водоема и в бассейнах рек Мологи и Мсты.

Важно отметить, что уже на этом этапе появляются вещи, которые характеризуют этнографический узор КПДК и широко распространяются уже в следующем периоде — разнообразные пластинчатые обоймы и бляшки, браслеты с расширяющимися концами и др. Они встречаются с ранними вещами центральноевропейского происхождения как в составе одного комплекса (например, синие «кrapчатые» бусы вместе с бляшками-обоймицами в кургане 1 могильника Любахин I или в сочетании с браслетом с расширенными концами, украшенными геометрическим орнаментом, в погр. 8 на «погребальной площадке» могильника Съезжее), так и на одной вещи (таковы снабженные характерными орнаментированными щитками-обоймами округлая пряжка из Городни и рифленая В-образная из Рысна-Сааре II). По-видимому, такие вещи и комплексы занимают позицию на переходе от первого периода ко второму.

II период. Весь продолжительный второй период — это время постепенного плавного развития КПДК как одной из многих общностей восточноевропейской лесной зоны. Сформировавшись в течение VI—VII в., культура псковских длинных курганов «застывает» в своем облике, хотя контакты с другими регионами нашли свое отражение в вещевом материале.

Определяющим этнографическим признаком (наряду с характерной погребальной обрядностью) является стилистически единый комплекс пластинчатых с рельефным узором деталей костюма. Наиболее заметными предметами этого убора оказываются разнообразные обоймы, бляшки и накладки, вырезанные или выколотые из тонкого бронзового листа и украшенные рельефным орнаментом. Такие предметы составляли основу наиболее распространенного поясного набора, украшали конскую узду, входили в состав женского убора.

Круг аналогий вещам из погребений КПДК второго периода довольно широк и охватывает практически все синхронные культуры лесной и лесостепной зон Восточной Европы. В целом вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов

оказывается, по существу, одним из вариантов материальной культуры лесной зоны Восточной Европы.

Начиная с VIII века, культура псковских длинных курганов вступает в длительную полосу кризисов, спровоцированных как внешней обстановкой, так и, возможно, какими-то внутренними причинами. В вещевом комплексе становятся заметны предметы, попадавшие на Северо-Запад Русской равнины в результате дальней торговли.

III период. Заключительный, III период существования культуры псковских длинных курганов вновь выделяется по заметной серии «внешних» вещей, связанных уже с новой эпохой — древнерусской. Финальный период КПДК — это время «доживания» отдельных культурных групп, сохранивших традиционную погребальную обрядность и использовавших (по крайней мере, для погребального убора) пластинчатые украшения с рельефным орнаментом наряду с вещами, свойственными ранней древнерусской культуре. Важно подчеркнуть, что ни по внешнему виду памятников, ни по деталям устройства курганов или погребальной обрядности изученные памятники финального периода не отличаются от более ранних.

Приложение

Датируемые комплексы культуры псковских длинных курганов

Период I

А. Комплексы с вещами — хронологическими индикаторами периода I

Володи, к. 1, п. 1А: бронзовый литой наконечник пояса с конической головкой, бронзовая спиралька, ушко от привески. Раскопки Н.Н. Чернягина (1940 г.) (Чернягин А-1940: 44—45; 1941: 102).

Володи, к. 4, п. 2: парные серебряные браслеты типа Володи, бронзовая спиралька. Раскопки Н.Н. Чернягина (1940 г.) (Чернягин А-1940: 52—53; 1941: 102).

Городня, к. 2, п. 2: бронзовая пряжка с округлой орнаментированной рамкой и шестиугольным щитком-обоймой. Раскопки Н.Н. Чернягина (1938 г.) (Чернягин А-1940: 21; 1941: 102).

Жеребятино, к. 2: фрагмент бронзового браслета типа Володи. Раскопки К.В. Кудряшова (1911 г.) (Чернягин 1941: 101).

Лезги I, грунт. погр. под курганом 6: бронзовая пряжка с округлой орнаментированной рамкой и трапецевидной обоймой, бронзовая бляшка-скорлупка, разнотипные четырехугольные обоймы, обломок кольца из бронзовой проволоки, бронзовая спиралька. Раскопки Г.П. Гроздилова (1958 г.) (Гроздилов 1965: 78, 81).

Линдора, к. 9: железная пряжка с рифленой В-образной рамкой. Раскопки М. Шмидехельм (1959—1961) (Аун 1992: 106).

Липицы, к. 7, п. 1: бронзовые бляшки-скорлупки (13), фрагмент «крапчатой» бусины, фрагмент бронзовой спиральной пронизки, фрагмент орнаментированной бронзовой трубчатой пронизки. Раскопки П.А. Садикова (1911 г.) (Чернягин 1941: 114).

Любахин I, к. 1, п. 3: 2 бронзовые прямоугольные бляшки-обоймицы, оплавленные стеклянные бусы (синие 14-гранные, синие округлые, синяя «крапчатая», красные пастовые). Раскопки А.Н. Башенькина (1989 г.) (Башенькин 1995: 25).

Мерево III, к. 4: фрагменты двух бронзовых пластинчатых браслетов с продольным ребром, глиняное биконическое пряслице, оплавленные стеклянные бусы (синие и «крапчатые»), фрагмент бронзовой проволоки, округлый орнаментированный костяной предмет (крышка коробочки?). Раскопки Ю.М. Лесмана (1978 г.), не опубликованы⁸.

⁸ Выражаю искреннюю признательность Ю.М. Лесману, любезно позволившему мне ознако-

Млевский Бор I, к. 1: бронзовая пряжка с В-образной рифленой рамкой, оплавленные синие бусы, фрагменты неопределимых бронзовых предметов. Раскопки М.В. Фехнер (1968 г.) (Фехнер 1969: 66; Исланова 2006: рис. 102 В).

Плесо II (Крюково I), к. 4, п. 3: бронзовая прямоугольная бляшка-обоймица, железное долотовидное «кресало», железный нож с прямой спинкой, оплавленные стеклянные бусы (среди них половинка крупной «крапчатой»), обломок бронзовой привески-«колокольчика» на S-видной петле и S-видная петля из бронзовой проволоки, 2 обломка бронзовых предметов. Раскопки С.Н. Орлова (1971 г.) (Орлов А—1971: 13—14).

Подол I (Кафтино), к. 1, п. 3: костяной гребень с горбатой спинкой. Раскопки И.Н. Черных (1981 г.) (Черных, Малыгин, Томашевич 1998).

Полибино, к. 2: бронзовая пряжка с округлой орнаментированной рамкой и хоботковидным язычком. Раскопки Я.В. Станкевич (1954 г.) (Станкевич 1962: 32, рис. 11: 1).

Полибино, к. 21, п. 1: железная пряжка с В-образной рифленой рамкой, 3 железные заклепки с плоской головкой. Раскопки Я.В. Станкевич (1958 г.) (Станкевич 1962: 33—34, рис. 11: 2—5).

Потерпелицы I, к. 6, п. 4: бронзовая пряжка с округлой рамкой и щитком-обоймой. Раскопки В.В. Милькова (1989 г.) (Мильков А—1989: 6).

Потерпелицы I, к. 10, п. 13: 2 бронзовые округлые пряжки с хоботковидными язычками (большая из них со щитком-обоймой), серебряные и бронзовые бляшки-скорлупки (1 крупная, 17 мелких, 13 фрагментов), бронзовые обоймицы от ножен и рукояти ножа, железный нож с прямой спинкой, бронзовая спиралька, оплавленные фрагменты бронзовых предметов, оселок из песчаника. Раскопки С.Н. Орлова (1972 г.) (Орлов А—1972: 9—10).

Пуйга I, к. 20, п. 2: железная пряжка с В-образной рифленой рамкой. Раскопки М.В. Фехнер (1968 г.) (Фехнер 1969: 65; Исланова 2006: рис. 3: 31).

Рысна-Сааре II, к. 6, п. 4: 2 бронзовые пряжки с округлыми рамками (одна с пластинчатым щитком-обоймой), бронзовые бляшки-скорлупки (12), бронзовая умбоновидная бляшка, бронзовые орнаментированные обоймы, бронзовые прямоугольные орнаментированные накладки. Раскопки М. Аун (1979 г.) (Аун 1980, 1992: 101).

Рысна-Сааре II, к. 9: бронзовая В-образная рифленая пряжка со щитком-обоймой. Раскопки М. Аун (1979 г.) (Аун 1980, 1992: 101).

Стёпаново III, к. 29, п. 1: железный нож с прямой спинкой, бусы из непрозрачного красного стекла (8 экз.). Раскопки Н.И. Петрова (2002 г.) (Петров 2006: 161).

Стёпаново III, к. 29, п. 3: стеклянные бусы (в т.ч. красные), бронзовые многочастные пронизки, бронзовые спиральки (3 экз.), детали бронзовых шумящих привесок (1 трапецевидная и 3 бу-

тылковидных). Раскопки Н.И. Петрова (2002 г.) (Петров 2006: 161, рис. 3: 1—7).

Съезжее, п. 7: оплавленные бусы из синего стекла (14-гранная, зонная, «крапчатые»), оплавленный кусочек серебра. Раскопки Е.Н. Носова (1976 г.) (Носов 1984: 14—15; Мастыкова, Плохов 2010: 338—339).

Съезжее, п. 8: фрагмент бронзового браслета с расширяющимися концами и геометрическим орнаментом, оплавленные бусы синего стекла (в т.ч. «крапчатые»), тонкий железный стержень. Раскопки Е.Н. Носова (1976 г.) (Носов 1984: 15; Мастыкова, Плохов 2010: 339—340).

Усть-Белая IV, к. 6, п. 1: бронзовая пряжка с рифленой В-образной рамкой. Раскопки А.Н. Башенькина (1986 г.) (Башенькин 1995: 24—25; Башенькин, Васенина 2004: 25, рис. 36).

Усть-Белая IV, к. 8: сплавившиеся бусы из синего и глухого красного стекла. Раскопки А.Н. Башенькина (1989 г.) (Башенькин А—1989: 42).

Шихино, к. 25, п. 1: бронзовая пряжка с круглой рамкой и щитком-обоймой, бронзовые четырехконечные бляшки (целая и фрагменты), бронзовые обоймы, бронзовая трубочка, железное долотовидное «кресало», железный нож с прямой спинкой, железный скобель. Раскопки М.В. Фехнер (1965 г.) (Исланова 2006: 259).

Яблонька III, к. 2: синие «крапчатые» бусы (3 экз.), бронзовые бляшки-скорлупки (12 экз.), бронзовая полусферическая бляшка на заклепке. Раскопки А.В. Новикова (1996 г.) (Исланова 2006, рис. 94).

Б. Комплексы, относимые к периоду I по данным радиоуглеродного анализа⁹

Гринино I, к. 3: вторая пол. V — первая треть VI в. Раскопки И.Н. Черных (1980 г.) (Попов 1997: 165).

Залахтове, к. 231: 500—525 гг. Раскопки С.Г. Попова (1988 г.) (Попов 1997: 165).

Куреваниха III, к. 4: 1460±90 л.н. Раскопки А.Н. Башенькина (1988 г.) (Башенькин 1995: 27).

Усть-Белая IV, к. 3: 1450±60 л.н. Раскопки А.Н. Башенькина (1986 г.) (Башенькин 1995: 25).

Усть-Белая IV, к. 6, п. 1: 1460±30 л.н. Раскопки А.Н. Башенькина (1986 г.) (Башенькин 1995: 24—25).

Фаза II А

А. Комплексы с вещами — хронологическими индикаторами фазы II А

Бенецкий погост, к. 4, п. 2: фрагмент бронзо-

миться с его не опубликованными материалами.

⁹ Все радиоуглеродные даты приводятся в том виде, в котором они опубликованы исследователями. Приведение их к единому формату, принятому в современных публикациях, и, возможно, дальнейшее уточнение — отдельная задача, которая под силу лишь специалистам в области радиоуглеродного датирования.

вого браслета с утолщенным концом с геометрическим орнаментом. Раскопки В.Н. Глазова (1902 г.) (Глазов 1903: 58—59).

Березно I, к. 15, п. 1: бусы из синего стекла (би-коническая и дисковидные), фрагмент оловянистой пельтовидной лунницы). Раскопки С.Л. Кузьмина (1987 г.) (Михайлова 2010б: 21—23).

Березовский Рядок, к. 5, п. 5: фрагменты бронзовых бляшек-обоймиц, 5 узких железных накладок на заклепках, расплавленные стеклянные бусы (в т.ч. 1 зеленая и корольки других цветов). Раскопки А.В. Тищенко (1910 г.) (Тищенко 1914: 16, рис. 16).

Верепково, к. 1, п. 2: фрагмент бронзового пластинчатого браслета с продольным ребром. Раскопки Л.Е. Грушиной (1989 г.) (Грушина 1990: 22—23).

Городня, к. 13, п. 3: железный нож с плавными уступами при переходе к черенку, бронзовый дротовый браслет, бронзовый пластинчатый браслет с продольными ребрами, фрагмент пластинчатой гривны. Раскопки Н.Н. Чернягина (1939 г.) (Чернягин, А-1940: 32; 1941: 102).

Горско, высокий курган: бронзовые бляшки-скорлупки (3), бронзовая прямоугольная накладка с заклепкой, фрагмент кольцевидной бусины синего стекла, орнаментированная пельтовидная привеска-лунница и проволоочное ушко (от нее же?), фрагмент медной проволоки. Раскопки крестьянина С. Павлова (нач. XX в.) (Спицын 1915).

Горско, удлиненные курганы: фрагмент каменного огнива, бронзовые пластинчатые браслеты с продольными ребрами по краям (2 экз.), оплавленные фрагменты медных вещей. Раскопки крестьянина С. Павлова (нач. XX в.) (Спицын 1915).

Дорохи I, к. 9, п. 6: железная пряжка с D-образной рамкой. Раскопки Г.В. Штыхова (1975 г.) (Штыхаў 1992: 128, мал. 17: 9).

Дорохи IV, к. 1, п. 1: железная шпора с коническим шипом. Раскопки Г.В. Штыхова (1973 г.) (Штыхаў 1992: 129, мал. 17: 6).

Квасильниково II, к. 1, п. 3: бронзовая квадратная бляшка-обоймица, бронзовый браслет с расширяющимися концами с геометрическим орнаментом, синие стеклянные бусы (в т.ч. трехчастная пронизка), бронзовая спиралька. Раскопки В.Я. Конецкого (1995 г.) (Конецкий и др. 1996: 35).

Крюково озеро III, к. 4, п. 1: браслет с утолщенными концами. Раскопки С.Н. Орлова (1971 г.) (Орлов А—1971: 17—18, рис. 20).

Куреваниха III, к. 15, п. 2: железная пряжка с лировидной рамкой с выделенным ложом для язычка, массивное железное кольцо с закрепленной на нем обоймой. Раскопки А.Н. Башенькина (2004 г.) (Башенькин, Васенина 2007: 49, рис. 6: 6—7).

Куреваниха III, к. 16, погр. 5: бронзовый язычок пряжки со щитком. Раскопки А.Н. Башенькина (2004 г.) (Башенькин, Васенина 2007: 45, рис. 4: 11).

Левоча-Кобож, к. 12, п. 1: оплавленные

бусы из синего стекла (10 экз.), фрагмент бронзового браслета с утолщенным концом. Раскопки Г.Н. Пронина (1976 г.) (Пронин 1988: 171).

Левоча-Кобож, к. 25, п. 3: бронзовая пряжка с утолщенной спереди D-образной рамкой, со щитком на язычке, железный нож с прямой спинкой, бронзовое кольцо из широкой пластины (оковка рукояти?). Раскопки Г.Н. Пронина (1976 г.) (Пронин 1988: 172).

Липицы, к. 11, п. 1: бронзовая пряжка с полый гладкой В-образной рамкой, колечко из бронзовой проволоки, стеклянные бусы. Раскопки П.А. Садикова (1911 г.) (Чернягин 1941: 114).

Лоози, к. 6, п. 1: каменные литейные формочки (3 экз.), фрагмент лезвия топора, бронзовые спиральки. Раскопки М. Шмидехельм (1965—1966 гг.) (Schmiedehelm, Laul 1970).

Любахин I, к. 2, п. 5: фрагмент бронзового браслета с расширяющимися концами, оплавленные синие стеклянные бусы, железное шило, бронзовая пряжка с округлой рамкой и орнаментированным язычком, оплавленные обломки бронзовых предметов. Раскопки А.Н. Башенькина (1989 г.) (Башенькин 1995: 25).

Любахин I, к. 4, п. 1: бронзовые прямоугольные бляшки-обоймицы, бронзовый браслет с расширяющимися концами и геометрическим орнаментом, оплавленные синие стеклянные бусы (определимы 14-гранные). Раскопки А.Н. Башенькина (1989 г.) (Башенькин 1995: 25).

Любахин I, к. 6, п. 1: бронзовая пряжка с сердцевидной рамкой и щитком на язычке, серебряные пельтовидные привески-лунницы, нож с прямой спинкой, бронзовая бляшка-скорлупка, обломки бронзовых предметов. Раскопки А.Н. Башенькина (1989 г.) (Башенькин 1995: 25).

Обрыня, к. 6: бронзовый браслет с расширяющимися концами и геометрическим орнаментом. Раскопки П.А. Садикова (1911 г.) (Чернягин 1941: 115).

Плесо I (Плесо VI), к. 10, п. 3: парные бронзовые браслеты с расширяющимися концами. Раскопки С.Н. Орлова (1971 г.) (Орлов А—1971: 10).

Полибино, к. 6: бронзовые квадратные бляшки-обоймицы, половина бронзового браслета с расширяющимися концами с геометрическим орнаментом. Раскопки Я.В. Станкевич (1958 г.) (Станкевич 1962: 32, рис. 11: 6—7).

Рапти—Наволоок III, к. 21: бронзовая пряжка с полый гладкой В-образной рамкой и щитком на язычке, фрагмент бронзовой спирали. Раскопки Г.С. Лебедева (1971 г.) (Лебедев 1971: 31—32; Михайлова 2003: рис. 7: 3).

Рысна-Сааре I, к. 3, п. 1: прямоугольные железные накладки, односторонний костяной гребень, крышка костяной коробочки. Раскопки М. Аун (1976 г.) (Аун 1992: 99; 2009: 355—358).

Рысна-Сааре I, к. 6, п. 11: односторонний костяной гребень, нож с уступами при переходе от лезвия к черенку, фрагменты бронзовых спиралек, бронзовый стерженек-заклепка (от гребня?) (Аун 1992: 99; 2009: 355).

Рысна-Сааре I, к. 8, п. 8: бронзовая пряжка с гладкой В-образной рамкой, бляшки-скорлупки,

умбоновидные бляшки. Раскопки М. Аун (1978 г.) (Аун 1979, 1992: 100).

Рысна-Сааре I, к. 8, п. 9: бронзовый литой клювовидный язычок пряжки со щитком, бляшки-скорлупки, умбоновидная бляшка с заклепкой, длинные прямоугольные обоймы, железная петелька от оковки каменного огнива, бронзовое пластинчатое колечко — оковка круглого предмета (рукоятки?), бронзовые трубочки-обоймицы, фрагмент бронзовой проволоки. Раскопки М. Аун (1978 г.) (Аун 1979, 1992: 100).

Рысна-Сааре II, к. 6, п. 1: литая бронзовая пряжка с сердцевидной рамкой, железный пинцет на колечке, фрагменты железных предметов. Раскопки М. Аун (1979 г.) (Аун 1980, 1992: 101).

Рышево, к. 2, п. 4: бронзовая пряжка с полый В-образной рамкой. Раскопки С. Н. Орлова (1977 г.) (Орлов А.—1977: 27).

Светлые Вешки, к. 3, п. 3: фрагмент язычка пряжки со щитком, бронзовые бляшки-скорлупки, бронзовая умбоновидная бляшка, бронзовая трубочка с продольной прорезью. Раскопки К. В. Кудряшова (1911 г.) (Кудряшов 1913; Чернягин 1941: 101).

Совий Бор, к. 2, п. 1: 2 бронзовых пластинчатых браслета с продольными ребрами. Раскопки С. А. Таракановой (1948—1949 гг.) (Тараканова 1951: 152—154).

Струйское, к. 4: железная пряжка с овальной рамкой, фрагмент бронзового браслета с утолщенным концом, орнаментированным бороздками, железный нож с прямой спинкой, железное долотовидное «кресало», фрагмент орнаментированной костяной рукоятки. Раскопки О. М. Олейникова (1987 г.) (Олейников 2001).

Шихино, к. 16, п. 2: бронзовая пряжка с круглой проволочной рамкой, фрагмент железной пластины с отверстиями, обломок дровяного бронзового браслета. Раскопки М. В. Фехнер (1966 г.) (Исланова 2006: 256).

Шихино, к. 16, п. 6: железный нож с прямой спинкой, фрагмент бронзового браслета с утолщенными концами и геометрическим орнаментом, оплавленные бусы синего стекла. Раскопки М. В. Фехнер (1966 г.) (Исланова 2006: 256).

Шихино, к. 26, п. 1: фрагмент бронзового браслета с утолщенными концами и геометрическим орнаментом, глиняный диск от ткацкого станка. Раскопки М. В. Фехнер (1965 г.) (Исланова 2006: 257, рис. 98 Б).

Шихино, к. 30, п. 3: оплавленные бусы синего стекла, железный нож с прямой спинкой, обломок бронзовой гривны. Раскопки М. В. Фехнер (1966 г.) (Исланова 2006: 260, рис. 101 Б).

Б. Комплексы, относимые к фазе II А по данным радиоуглеродного анализа

Березно I, к. 18, п. 1: 1480±40 л. н. Раскопки С. Л. Кузьмина (1987 г.) (Попов 1990: 35)¹⁰.

¹⁰ Несколько позднее С. Г. Попов получил и опубликовал также комбинированную дату для погребений 1 и 2 в кургане 18 могильника Березно I: 550—580 гг. (Попов 1997: 165).

Березно I, к. 18, п. 2: 1480±50 л. н. Раскопки С. Л. Кузьмина (1987 г.) (Попов 1990: 35).

Заозерье, одиночный курган: первая треть VI — начало VII в. Раскопки В. Я. Конечского (1985 г.) (Попов 1997: 165).

Куреваниха III, к. 22: 1260±30 л. н. Раскопки А. Н. Башенькина (1990 г.) (Башенькин 1995: 27).

Леммаку, к. 1: 1475±35 л. н., с учетом дендрохронологической поправки 520—630 гг. н. э. Раскопки П. Лиги (1983—1984 гг.) (Аун, Лиги 1986: 356—357).

Рысна-Сааре I, к. 3, п. 1: 531—687 гг. н. э. (18) и 597—657 гг. н. э. (28). Раскопки М. Аун (1976 г.) (Аун 2009: 359).

Сторожинец, к. 25: 670—725 гг. н. э. Раскопки С. Г. Попова (1990 г.) (Попов 1997: 166; Попов, Хвощинская 2007: 207).

Фаза II В

А. Комплексы с вещами — хронологическими индикаторами фазы II В

Казихи, к. 19: фрагмент головного венчика из прямоугольных пронизок-обоймиц и спиральных пронизок, бронзовая пряжка с четырехугольной дровяной рамкой, фрагменты бронзовых дровяных браслетов, фрагмент бронзовой гривны (?), бронзовые колечки. Раскопки В. В. Седова (1966 г.) (Седов 1969: 96).

Куреваниха III, к. 16, п. 2: фрагменты бронзового пластинчатого браслета с геометрическим орнаментом, фрагмент голубой 14-гранной бусины с «мягкими» гранями, оплавленная голубая и зеленая с красно-желтыми глазками бусины, фрагмент дровяной гривны с обмоткой бронзовой проволокой, 2 фрагмента бронзовой пластинки с геометрическим орнаментом. Раскопки А. Н. Башенькина (2004 г.) (Башенькин, Васенина 2007: 44).

Куреваниха III, к. 16, п. 4¹¹: бронзовая прямоугольная бляшка-обоймица, бронзовая обойма, орнаментированная бронзовая квадратная накладка, бронзовый пластинчатый браслет, бронзовые спиральки, обломки бронзовых предметов. Раскопки А. Н. Башенькина (2004 г.) (Башенькин, Васенина 2007: 45).

Лапино, к. 7, п. 1: бронзовая пряжка с проволочной трапецевидной рамкой; железный нож с прямой спинкой, бронзовая спиралька. Раскопки В. В. Гольмстен (1913 г.) (Чернягин 1941: 107).

Поддубье III, к. 2: оплавленные стеклянные бусы (фрагменты синих и слиток, в котором различимы синяя полупрозрачная и полихромная поперечно-проколотая). Раскопки Ю. М. Лесмана (1979 г.) (Лесман 1980: 19).

¹¹ Выше еще одно погребение из кургана 16 в могильнике Куреваниха III (погребение 5) было отнесено к фазе II А по находке литого язычка с фигурным щитком у основания. По всей вероятности, курган 16 использовался для совершения захоронений на стыке этих двух периодов, как и соседний с ним курган 15, в котором в погребении 2 найдена пряжка VII — первой трети VIII в.

Потерпелицы I, к. 2, п. 2: слитки стекла (различимы трехчастная пронизка и крупная полихромная бусина). Раскопки С.Н. Орлова (1972 г.) (Орлов А.—1972: 4)

Репьи, п. 6: бронзовые квадратные бляшки-обоймицы, бронзовая умбовидная накладка, два бронзовых браслета с расширенными концами с геометрическим орнаментом, оплавленные стеклянные бусы (прозрачного бесцветного стекла и темно-синего стекла), маленькая округлая бусина из сердолика, железный стержень. Раскопки Г.С. Лебедева (1970 г.) (Лебедев 1978: 96—98; Кузьмин, Михайлова 2004: 145).

Усть-Белая I, к. 8, средний ярус: бронзовая прямоугольная бляшка-обоймица, бронзовые спиральки, бронзовая проволочная пряжка с вогнутыми сторонами, железные ножи с прямой спинкой. Раскопки А.Н. Башенькина (1986 г.) (Башенькин, Васенина 2004: 24, рис. 24).

Шихино, к. 1: 2 бронзовые пряжки с дотовой четырехугольной рамкой, фрагменты головного венчика из бляшек-обоймиц и трубочек-пронизок, фрагмент гривны с обмоткой бронзовой проволокой, четырехгранный железный стержень, биконическое глиняное пряслице, фрагменты бронзовых предметов. Раскопки М.В. Фехнер (1965 г.) (Исланова 2006: 255).

Б. Комплексы, относимые к фазе II В по данным радиоуглеродного анализа

Крутец—Избищи 1, к. 4: 1170±50 л.н. Раскопки А.Н. Башенькина (1990 г.) (Башенькин 1995: 27).

Период III

А. Комплексы с вещами — хронологическими индикаторами периода III

Безьва III, к. 1, п. 3: серебряное проволочное кольцо с заходящими концами (височное?). Раскопки Н.Н. Черныгина (1940 г.) (Черныгин 1941: 101).

Березицы VI, грунт. п. 1: стеклянные бусы (синие и полихромные мозаичные); 14-гранная сердоликовая бусина. Раскопки В.Ю. Соболева (1996 г.) (Соболев 2008).

Березицы VI, грунт п. 2: фрагменты кольца из бронзовой проволоки. Раскопки В.Ю. Соболева (1996 г.) (Соболев 2008).

Березицы VI, грунт п. 3: фрагменты кольца из бронзовой проволоки. Раскопки В.Ю. Соболева (1996 г.) (Соболев 2008).

Казихи, к. 21, п. 1: бронзовое проволочное височное кольцо с загнутыми крючком концами, обломки медных предметов. Раскопки В.В. Седова (1966 г.) (Седов 1969: 95).

Казихи, к. 21, п. 3: фрагмент бронзового проволочного височного кольца с загнутыми крючком концами, неопределимый бронзовый предмет. Раскопки В.В. Седова (1966 г.) (Седов 1969: 95).

Которск IV, к. 1, п. 1: железный нож с прямой спинкой, округлая бусина синего стекла, бронзовые спиральки, бронзовое височное кольцо с завитком, бронзовая крупная спираль. Раскопки

С.Л. Кузьмина (1988 г.) (Кузьмин 1991: 159).

Которск XII, к. 1, п. 16: железный нож с уступами при переходе от лезвия к черенку, 2 бронзовых перстнеобразных височных кольца. Раскопки С.Л. Кузьмина (1990 г.) (Кузьмин 2003: рис. 3: 2—4).

Которск XII, к. 1, п. 7: железный нож с уступами при переходе от лезвия к черенку, 2 бронзовых перстнеобразных височных кольца, миниатюрная ширококорая привеска-лунница из оловянистого сплава. Раскопки С.Л. Кузьмина (1990 г.) (Кузьмин 2003: рис. 3: 7—10).

Нестеровичи, к. 10: бронзовые пластинчатые трапециевидные привески (2 экз.). Раскопки В.Я. Конечного (1985 г.) (Конечкий 1991: 90—91).

Низовка, к. 1: 2 серебряных перстнеобразных височных кольца. Раскопки В.Н. Глазова (1903 г.) (Глазов 1904: 53—54).

Рапти—Наволоки III, к. 18, п. 5: стеклянные бусы (4—5 из темно-синего стекла, 1 шарообразная голубого стекла и 1—2 бусины из глухого стекла печеночно-красного цвета), фрагменты крупной бронзовой спирали, фрагмент бронзового проволочного кольца (височного?). Раскопки Е. Р. Михайловой (1996 г.) (Михайлова 2003: 240).

Репьи, нижний ярус, п. 2¹²: пятиугольная обоймица. Раскопки Г.С. Лебедева (1970 г.) (Лебедев 1978: 96—98; Кузьмин, Михайлова 2004: 145, рис. 1)

Репьи, нижний ярус, п. 7: фрагмент бронзовой бляшки-скорлупки, железная двойная прямоугольная накладка с заклепками, D-образные скобочки из бронзовой проволоки, бронзовая пластинчатая трапециевидная привеска, многочисленные фрагменты оплавленной бронзы. Раскопки Г.С. Лебедева (1970 г.) (Лебедев 1978: 96—98; Кузьмин, Михайлова 2004: рис. 1).

Сторожинец, к. 3, п. 2: часть бронзовой дотовой орнаментированной гривны с «рыльцами» и орнаментом «волчий зуб», оплавленных орнаментированных широкопластинчатых браслетов, оплавленные фрагменты бронзовых предметов. Раскопки С.Г. Попова (1991 г.) (Попов, Хвощинская 2007: 208).

Б. Комплексы, относимые к периоду III по данным радиоуглеродного анализа

Гринино I, к. 6: 870±30 г.н.э. Раскопки О.М. Олейникова и И.В. Ислановой (1990 г.) (Олейников 1992: 107).

Гринино II, к. 2, п. 2: 825±70 г.н.э. Раскопки О.М. Олейникова (1990 г.) (Олейников 1992: 108).

Которск XII, к. 1 (серия дат для разных этапов сооружения насыпи): 1130±40 л.н., 990±30 л.н., 800±40 л.н., 1160±40 л.н. Раскопки С.Л. Кузьмина (1990 г.) (Попов 1997: 166).

Которск XII, к. 7: 1090±30 л.н. Раскопки

¹² Погребения из нижнего яруса насыпи у дер. Репьи следует относить к началу III периода, так как еще одно погребение из той же насыпи (погребение б) по находке небольшой округлой сердоликовой бусины может быть отнесено к фазе II В или к более позднему времени.

С.Л. Кузьмина (1990 г.) (Попов 1997: 166).

Которск XII, к. 8: 1140±35 л.н. Раскопки С.Л. Кузьмина (1990 г.) (Попов 1997: 166).

Обинитса, к. 7: 850±40 гг.н.э. Раскопки М. Аун (1999 г.) (Аун 2000: 67)¹³.

Сторожинец, к. 2: 890—1000 гг. (Попов 1997: 166) или 880—980 гг.н.э. (Попов, Хвоцзинская

2007: 207). Раскопки С.Г. Попова (1989 г.)

Сторожинец, к. 7: 868—977 гг.н.э. Раскопки С.Г. Попова (1988 г.) (Попов, Хвоцзинская 2007: 207).

Сторожинец, к. 11: 976—1026 гг.н.э. Раскопки С.Г. Попова (1991 г.) (Попов, Хвоцзинская 2007: 208).

Литература

- Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ I*. Симферополь, 3—86.
- Айбабин А.И., Хайретдинова Э.И. 1988. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму. *МАИЭТ VI*. Симферополь, 274—311.
- Алихова А.Е. 1958. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново. *КСИИМК* 72, 37—45.
- Амброз А.К. 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. *Древние славяне и их соседи*. МИА 176. Москва: Наука, 70—74.
- Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. *Ч. I. СА* (2), 96—123.
- Атавин А.Г. 2008. Погребения VII — начала VIII в. из Восточного Приазовья. *Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина*. Москва, 28—70.
- Ауліх В.В. 1972. *Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст.н.е. в Західній Волині*. Київ.
- Аун М. 1979. Об исследовании курганов у дер. Рысна-Сааре. *ИАН ЭССР. ОН. Т. 28. (4)*, 369—372.
- Аун М. 1980. Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II. *ИАН ЭССР. ОН. Т. 29. (4)*, 368—372.
- Аун М. 1992. *Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии*. Таллинн: ОЛИОН.
- Аун М. 2009. Костяные предметы в длинных курганах могильника Рысна-Сааре I (Юго-Восточная Эстония). *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 54 заседания*. Псков, 355—362.
- Аун М., Лиги П. 1986. Могильники культуры длинных курганов в Северном Причудье. *ИАН ЭССР. ОН. Т. 35. (4)*, 355—357.
- Ахмедов И.Р. 2007. Инвентарь мужских погребений. *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* Серия: Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. 9. Москва: ИА РАН, 137—185.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Агиллы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. Тр. ИИМК РАН XI Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение*, 168—202.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации. *КСИА* 192, 28—35.
- Башенькин А.Н. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс.н.э. *Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности 3*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 3—29.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 2004. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже: 20 лет исследований. *Чагодоценская земля: культура, история, люди. Материалы краеведческой конф. (Чагода, 9—10 янв. 2004 г.)*. Вологда, 19—54.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 2007. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на реке Мологе в 2004—2005 гг. *Археология Севера 2. Материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева 26—27 февраля 2006 г. в г. Череповце*. Череповец, 42—73.
- Белоцерковская И.В. 2007. Инвентарь женских погребений. *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* Серия: Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. 9. Москва: ИА РАН, 186—212.
- Буров В.А. 2003. *Городище Варварина Гора. Поселение I—V и XI—XIV веков на юге Новгородской земли*. Москва: Наука.
- Вашкявичюте И. 1989. Древнейшие головные венки земгалов. *Древности Белоруссии и Литвы*. Минск: Навука і тэхніка, 56—61.
- Вернер Й. 1972. К происхождению и распространению антов и склавинов. *СА* (4), 102—115.
- Винников А.З., Плетнева С.А. 1998. *На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение*. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та.
- Винокур І. 1997. *Слов'янські ювеліри Подністрів'я. Кам'янець-Подільський*.
- Вишневский В.И. 1998. Кикинское городище. *Тверской археологический сборник 3*. Тверь: Тверской гос. объедин. музей, 359—366.
- Волкайте-Куликаускаене Р.К. 1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. *Древняя одежда народов Восточной Европы. (Материалы к историко-этнографическому атласу)*. Москва: Наука, 146—171.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. 2005. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977—1978 гг. *Труды Отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 3*. Москва: ИА РАН.
- Гавритухин И.О. 2001а. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла. В: Малашев В.Ю. *Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка*. Москва, 40—49.
- Гавритухин И.О. 2001б. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек. *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.*

¹³ Это единственный комплекс со столь поздней датой в Эстонии. По мнению автора раскопок, радиоуглеродная датировка кургана 7 в Обинитса завышена — возможно, потому, что уголь происходит от дерева, оказавшегося под уже расплывшей насыпью.

- (Из истории костюма). Т. 2. Самара, 31—86.
- Гавритухин И.О. 2005. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами. *Archeologia o psczqtach Słowian*. Kraków, 404—461.
- Гавритухин И.О., Воронцов А.М. 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные фибулы. *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 28—89.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. Серия: Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей 3. Москва: ИА РАН.
- Глазов В.Н. 1903. Отчет В.Н. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. *ЗОРСА* 1. Т. V, 44—66.
- Глазов В.Н. 1904. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий уезд Новгородской губ. *ИАК* 6, 50—60.
- Горюнов Е.А. 1981. *Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья*. Ленинград: Наука.
- Горюнова В.М. 1992. Новый клад антского времени из среднего Поднепровья. *Археологические вести* 1. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 126—140.
- Григорьев А.В. 2000. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. *Труды Тульской археологической экспедиции* 2. Тула: «Гриф и К».
- Гроздилов Г.П. 1965. Археологические памятники Старого Изборска. *АСГЭ* 7, 65—88.
- Грушина Л.Е. 1990. Курганно-жальничный могильник у деревни Веребково. *Земля Псковская, древняя и современная. ТД к научно-практ. конф.* Псков, 22—23.
- Гуревич Ф.Д. 1959. Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье. В: Тараканова С.А., Терентьева Л.Н. (ред.). *Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции* 1. Москва: Изд-во АН СССР, 233—253.
- Гуревич Ф.Д. 1962. *Древности Белорусского Понеманья*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Давидан О.И. 1980. Бронзолитейное дело в Ладог. *АСГЭ* 21, 59—67.
- Деопик В.Б. 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. *СА* (3), 202—232.
- Дзаттиаты Р.Г. 2006. *Царциатские памятники: Едысское городище и могильники*. Владикавказ.
- Енуков В.В. 1990. *Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам)*. Москва: Археологич. Агентство Экспериментального творческого центра Мосторисполкома.
- Залевская Н.И. 1982. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге. *Северная Русь и ее соседи. Межвузовский сборник*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 49—54.
- Зариня А.Э. 1986. Одежда жителей Латвии VII—XVII вв. *Древняя одежда народов Восточной Европы. (Материалы к историко-этнографическому атласу)*. Москва: Наука, 172—189.
- Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007. *Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Исланова И.В. 1997. *Удомельское поозерье в эпоху жезлеза и раннего средневековья*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Исланова И.В. 2006. *Верхнее Помостье в раннем средневековье*. Москва: ИА РАН.
- Исланова И.В., Мирецкий А.В. 1997. Находки с городища Осечен. *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья* 2. Тверь, 12—20.
- Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. *Археологические вести* 6. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 404—417.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III—VI вв.). *Петербургский археологический вестник* 7. Санкт-Петербург: Фарн, 113—121.
- Кирпичников А.Н. 1980. Несколько замечаний о славянских височных кольцах с завитком. *Памятники культуры — новые открытия, 1979*. Ленинград: Наука, 452—453.
- Кирпичников А.Н. Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока. *Северная Русь и народы Балтики. Тр. ИИМК РАН*. Т. XXIV. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 195—220.
- Клубова О.В. 1992. Исследования в урочище Курская Гора в 1990 году. *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. Т. 4/5. Новгород, 21—25.
- Ковалевская В.Б. 1998. *Хронология восточно-европейских древностей V—IX веков* 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. Москва.
- Конечский В.Я. 1991. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (К вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. н.э. в бассейне Мсты). *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г.* Москва, 89—116.
- Конечский В.Я., Иванов А.Ю., Сивохин С.Г., Торопов С.Е. 1996. Новые данные о погребальных памятниках в долине р. Белой. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 10. Новгород, 32—37.
- Конечский В.Я., Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. 1984. О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли. В: Рыбаков Б.А. (ред.). *Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11—15 мая 1981 г.* Ленинград: Наука, 161—167.
- Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Корзухина Г.Ф. 1978. *Предметы убора с выемчатыми эмальями V—первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье*. САИ Е1—43. Ленинград: Наука.
- Краснов Ю.А. 1980. *Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья)*. Москва: Наука.
- Кудряшов К. 1913. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде. *ЗРАО* Т. IX, 244—247.
- Кузьмин С.Л. 1991. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н.э. в верховьях Плюссы. *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г.* Москва, 153—168.
- Кузьмин С.Л. 2003. Некоторые итоги изучения культуры псковских длинных курганов (по материалам памятников в бассейнах рек Луги и Плюссы). *Древности Подвinya: Исторический аспект*. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 226—232.
- Кузьмин С.Л. 2010. *Оредежские сопки. Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли*. Санкт-Петербург: Нестор-

Петербургский апокриф. Послание от Марка

- История, 119—132.
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р. 2004. Памятники культуры псковских длинных курганов во Врево-Черемнецком поозерье. *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмье чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей.* Санкт-Петербург: «Нестор-История», 141—150.
- Кулаков В. И. 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V—VIII вв. (по материалам раскопок 1878—1938 гг.). *Barbaricum* 1. Warszawa, 148—275.
- Лебедев Г. С. 1978. Сопка у д. Репы в Верхнем Полужье. *КСИА* 155, 93—99.
- Левашева В. П. 1967. Браслеты. *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ* 43. Москва: Сов. Россия, 297—252.
- Леонтьев А. Е. 1994. *Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси.* Серия: Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья 4. Москва: Геоэко.
- Лесман Ю. М. 1980. Работы в Полужье. АО 1979 г. Москва: Наука, 18—19.
- Лопатин Н. В., Фурсев А. Г. 2007. *Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв. н. э.* Серия: Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей 8. Москва: Ин-т археологии РАН.
- Львова З. А. 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения. *АСГЭ* 10, 64—94.
- Ляпушкин И. И. 1958. *Городище Новотроицкое.* МИА 74. Москва; Ленинград: Наука.
- Мастыкова А. В., Плохов А. В. 2010. Датировка и происхождение стекланных бус из могильника у оз. Съезжее. *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 337—357.
- Митрофанов А. Г. 1978. *Железный век Средней Белоруссии.* Минск: Навука і тэхніка.
- Михайлова Е. Р. 2003. Новые исследования длинных курганов на Черемнецком озере. *Древности Подвинья: Исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (6—8 октября 1999 г.).* Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 233—243.
- Михайлова Е. Р. 2007а. Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа. *Вестник СПбГУ.* Сер. 6 (4). Санкт-Петербург 389—398.
- Михайлова Е. Р. 2007б. Тисненые бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов. А. В.: *Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова.* Санкт-Петербург: Культ-Информ-Пресс, 158—164.
- Михайлова Е. Р. 2009. *Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры.* Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Михайлова Е. Р. 2010а. Германские браслеты из могильника Володи близ Пскова. В: Шрадер Т. А. (сост.). *Скандинавские чтения 2008 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты.* Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 21—28.
- Михайлова Е. Р. 2010б. Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I. *Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сборник научных статей.* Санкт-Петербург: Нестор-история, 7—54.
- Моора Х. 1962. Клад V века, найденный в Реола, близ г. Тарту. *Światowit.* Т. 24., 343—351.
- Мяздзведзеў А. М. 1999. Культура ўсходнелітоўскіх курганоў. *Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раньняе сярэднявечча.* Мінск: Беларуская навука, 384—391.
- Назаренко В. А. 1985. Могильник в урочище Плакун. *Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования.* Ленинград: Наука, 156—179.
- Никитина Г. Ф. 1969. Гребни черняховской культуры. *СА* (1), 147—159.
- Носов Е. Н. 1984. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов. *КСИА* 179, Москва, 11—17.
- Носов Е. Н., Плохов А. В. 2002. Новые исследования в Ильменском Поозерье. *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 159—180.
- Олейников О. М. 1992. Раскопки курганной группы Гринино-1 и Гринино-2. Тверская область, Осташковский район. *Новгород и Новгородская земля: История и археология.* Т. 4/5. Новгород, 39—41.
- Олейников О. М. 2001. Кургan № 4 курганной группы «Струйское». *Новгород и Новгородская земля: История и археология* 15. Вел. Новгород, 258—267.
- Перхавко В. Б. 1978. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы. *СА* (3), 131—138.
- Петренко В. П. 1994. *Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв.: Сопки Северного Поволжья.* Санкт-Петербург: Наука.
- Петров Н. И. 2006. Древности эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы: опыт культурной стратиграфии. *Новгород и Новгородская земля: История и археология* 20. Вел. Новгород, 155—171.
- Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М. 2007. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте. В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Северная Русь и народы Балтики. Тр. ИИМК РАН.* Т. XXIV. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 142—194.
- Плохов А. В. 2008. Древности VIII века у истока Волхова. *Вестник СПбГУ* Сер. 2 (3), 155—167.
- Полубояринова М. Д. 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде. В: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.). *Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского.* Новгород, 75—82.
- Попов С. Г. 1990. Радиоуглеродное датирование археологических памятников второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе. *Археология и история Пскова и Псковской земли.* ТД научно-практ. конф. 1989. Псков, 33—35.
- Попов С. Г. 1997. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии. *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого.* Т. II. Санкт-Петербург; Псков, 163—168.
- Попов С. Г. 2010. Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-Западе России. *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 365—378.
- Попов С. Г., Хвоцкая Н. В. 2007. Некоторые итоги изучения Гдовского района (К 30-летию Гдов-

- ского отряда ИИМК РАН). *Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы ЛП заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева*. Псков, 199—216.
- Приходнюк О. М. 1998. *Пеньковская культура (Культурно-хронологический аспект исследования)*. Воронеж: Воронеж. ун-т.
- Пронин Г. Н. 1988. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины. *СА* (4), 169—179.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. 1999. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике. *Херсонесский сборник* X. Севастополь, 194—202.
- Родинкова В. Е., Седин А. А. 2004. Браслеты Никодимовского городища. *Восточная Европа в средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова*. Москва: Наука, 234—246.
- Розенфельдт И. Г. 1982. *Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв.* Москва: Наука.
- Родинкова В. Е. 2003. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц). *КСИА* 215, 6—19.
- Румянцев О. С. 2002. Об одном из ведущих типов бус населения средней Оки в эпоху Великого переселения народов. *Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конф.* Ч. II. Москва, 89—91.
- Румянцев О. С. 2007. Бусы массовых типов. *Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э.* Серия: Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей 9. Москва: ИА РАН, 214—233.
- Русанова И. П. 1971. Жилище VIII—IX вв. у села Буки на Житомирщине. *КСИА* 125, 46—51.
- Рябинин Е. А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.). В: Седов В. В. (отв. ред.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 27—75.
- Рябинин Е. А. 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии). *Ладога и Северная Русь. Чтения, посв. памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21—22 дек. 1995 г. Материалы к чтению*. Санкт-Петербург, 56—61.
- Седин А. А. 1992. Результаты исследования городища Никодимовов в восточной Беларуси. *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый ў эпоху жалеза*. Мінск, 97—100.
- Седов В. В. 1960. Кривичи. *СА* (1), 47—62.
- Седов В. В. 1969. Казихинские курганы на р. Великой. *КСИА* 120, 91—96.
- Седов В. В. 1974. *Длинные курганы кривичей*. САИ ЕІ-8. Москва: Наука.
- Седов В. В. 1987. Балты. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Серия: Археология СССР. Москва: Наука, 353—457.
- Седов В. В. 1995. *Славяне в раннем средневековье*. Москва.
- Седов В. В. 2002. *Изборск — протогород*. Москва.
- Седов В. В. 2007. *Изборск в раннем средневековье*. Серия: Памятники отечественной науки. XX век. Москва: Наука.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Седова М. В. 2001. Украшения «городского типа» X—XI веков из Суздаля и его округа. *КСИА* 212, 23—33.
- Смирнов К. А. 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги). *Дьяковская культура*. Москва: Наука, 7—89.
- Соболев В. Ю. 2008. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI. *Археологические вести* 15, 118—132.
- Спицын А. А. 1903. *Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова*. МАР 29. Санкт-Петербург: Типография Гл. Управления Уделов.
- Спицын А. А. 1915. Археологический альбом. *ЗОРСА* Т. XI, 224—250.
- Станкевич Я. В. 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. *Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э.* МИА 76. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 7—327.
- Станкевич Я. В. 1962. Курганы у деревни Полибино на реке Ловати. *КСИИМК* 87, 31—35.
- Старая Ладога... 2003. *Старая Ладога, древняя столица Руси: Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Степанова Ю. В. 2010. Хронология древнерусских курганных комплексов Верхневолжья. *КСИА* 224, 285—296.
- Тищенко А. В. 1914. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии. *ИАК* 53, 1—22.
- Тараканова С. А. 1951. Псковские курганы с трупосожжением (Доклад, прочитанный в секторе этногенеза народов СССР ИИМК 8 декабря 1949 г.). *КСИИМК XXXVI*, 141—154.
- Урбанавичус В. 1987. Новые памятники у пос. Серджюс. *АО 1985 года*. Москва, 487—488.
- Успенская А. В. 1993. Березовецкий курганный могильник X—XII вв. *Средневековые древности Восточной Европы. Тр. ГИМ* 82. Москва, 79—135.
- Фехнер М. В. 1969. Исследование курганных могильников в Калининской области. *АО 1968 г.* Москва: Наука, 65—66.
- Френкель Я. В. 2007. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999—2003 гг.). В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Гнездово. Результаты комплексного исследования памятника*. Санкт-Петербург: Альфарет, 78—117.
- Фурасев А. Г. 1996. Литейные формы из поселения Подол III в Тверской области. В: Синицына Г. В. *Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Отчет о полевой работе Тверской археологической экспедиции в 1996 году*. Археологические изыскания 39. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 49—52.
- Черных И. Н., Малыгин П. Д., Томашевич Т. В. 1998. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино). *Тверской археологический сборник* 3. Тверь: Тверской гос. объедин. музей, 394—408.
- Черных Н. Б. 1985. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища). *Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград, 76—80.
- Черных Н. Б. 1996. *Дендрохронология и археология*. Москва: NOX.
- Чернягин Н. Н. 1941. Длинные курганы и сопки (Археологическая карта). *Этногенез восточных славян*. Т. 1. МИА 6. Москва; Ленинград, 93—148.
- Шмидехельм М. Х. 1955. *Археологические памятники*

- периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н.э. — V в. н.э.). Таллинн: Эстон. гос. изд-во.
- Шмидехельм М.Х. 1959. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии. В: Тараканова С.А., Терентьева Л.Н. (ред.). *Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции* 1. Москва: Изд-во АН СССР, 154—185.
- Шмидт Е.А. 1957. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапова в смоленском Поднепровье. *МИСО* 2. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 184—280.
- Шмидт Е.А. 1994. Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра. *Археологія і старожитня гісторія Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый*. Магілёў, 104—113.
- Шмидт Е.А. 2005а. Курганы у пос. Колодня. *Смоленские древности* 4. *Курганные могильники VIII—X веков центральной части Смоленского Поднепровья*. Смоленск, 101—145.
- Шмидт Е.А. 2005б. Курганный могильник у дер. Купники (Василевщина). *Смоленские древности* 4. *Курганные могильники VIII—X веков центральной части Смоленского Поднепровья*. Смоленск, 5—53.
- Шмидт Е.А. 2005в. Курганный могильник у дер. Арефино. *Смоленские древности* 4. *Курганные могильники VIII—X веков центральной части Смоленского Поднепровья*. Смоленск, 54—100.
- Шноре Э. 1957. Нукишинский могильник. *Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР* 1. Рига: Зинатне.
- Штыхаў Г.В. 1992. *Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Штыхов Г.В. 1999. Культура ранних длинных курганов V—VII вв. в Беларуси. *Lietuvos archeologija* 18, 25—34.
- Щеглова О.А. 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье. *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск, 162—203.
- Щеглова О.А. 2001. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге». *Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 46—55.
- Щеглова О.А. 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII—X вв. на северо-западе Восточной Европы. *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 135—150.
- Arbman H. 1940. *Birka I: Die Gräber. Tafeln*. Stockholm.
- Arne T.-J. 1934. *Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike*. Stockholm.
- Aspelin J.R. 1884. *Antiquités du Nord finno-ougrien. V. L'Age du Fer. Antiquités des provinces baltiques*. Helsinki; Saint-Petersbourg; Paris.
- Aun M. 2000. Rescue excavations at the Obinita barrow cemetery. *Arheoloogilised välitööd Eestis 1999 — Archaeological field works in Estonia 1999*. Tallinn: Muinsuskaitseinspektsioon, 63—68.
- Bálint C. 2000. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des Vielteilen Gürtels. *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.—7. Jahrhundert*. Budapest; Napoli; Roma, 99—162.
- Bitner-Wróblewska A. 2001. *From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period*. Warszawa.
- Ciglis J. 2006. V—IX amžiaus dirzų sagtys Ritų Latvijoje. *Archaeologia Litwana* 7, 156—169.
- Graudonis J. 2001. The Finery of the anciens Semigallians. *Lietuvos Archeologija* 21, 55—62.
- Graudonis J. 2003. *Lielupes krastos pirms gadu simtiem. Arheoloģiskie pētījumi Jaunsviorlaukas pagastā*. Rīga.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des grandes migrations* (Collège de France — CNRS. Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 22). Paris.
- Jørgensen L., 1990. Bækkegård and Glasergård. Two Cemeteries from the Late Iron Age on Bornholm. *Arkæologiske Studier* VIII. København.
- Kazakevičius V. 1993. *Plinkaigalio kapinynas. Lietuvos Archeologija* 10. Vilnius.
- Kazanski M. 1993. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien. *Antiquités Nationales* 25, 119—127.
- Kazanski M. 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations. *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, 406—459.
- Kazanski M. 2007. The Armement, Horsemen's Accoutrements and Riding Gear of Long Barrow Culture (Fifth to Seventh Centuries). *Archaeologia Baltica* 8, 238—253.
- Kazanski M., Périn P. 1988. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. État de la question et perspectives. *Revue Archéologique de Picardie* 3—4.
- Kivikoski E. 1973. *Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text*. 2e ed. Hels.
- Kleemann O., 1951. Die Kolbenarmringe in den Kulturbeziehungen der Völkerwanderungszeit. *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* 35. Halle, 102—143.
- Koch U. 2001. Das alemannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. *Forschungen und berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg* 60. Stuttgart: Kommissionverlag, Konrad Theiss Verlag.
- Kowalski J. 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E). *Archeologia bałtyjska*. Olsztyn, 67—85.
- Latvijas... 1974. — *Latvijas PSR Arheologia*. IV. Rīga.
- Moora H. 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I. Teil: Die Fund. *Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused* XXV. Tartu.
- Moora H. 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 N. Chr. II. Teil: Analyse. *Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused* XXIX. Tartu.
- von Müller A. 1970. Kameolperlen aus Haithabu (Ausgrabung 1963—1964). *Das archäologische Fundmaterial I der Ausgrabung Haithabu 1963—1964. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht* 4. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 53—55.
- Nowakowski W. 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit aus Masuren. *Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge* 6. Berlin.
- Parczewski M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowane źródła archeologicznych. Prace Komisji archeologicznej* 27. Wrocław i in.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk.
- Prussia 2005. *Die Prussia-Sammlung. Der Bestand im Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad. Kollektionen Preussien in den Sammlungen des Kaliningrader Oblastischen Historisch-Kunst-Museums*. Bremen: H. M. Hauschild GmbH.
- Rettner A. 1997. Sporen der älteren Merowingerzeit. Ger-

- mania (*Anzeiger der Römisch-germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts*). Jg. 765. 1. Halbbd. (Meinz a. R.), 133—157.
- Rudnicki M. 2008. Bemerkungen zur Entwicklung von Armbrustsprossenfibeln aus dem Territorium der Olsztyn-Gruppe. Erste Feststellungen. *The turbulent epoch. New materials from the late roman period the migration period*. II. Lublin, 291—302.
- Schlemmer P. 2004. Der Bügelsporn der jüngeren Merowingerzeit. Überlegungen zur seiner Herkunft und zur Sitte der Sporenbeigabe auf alamannischem und bajuwarischem Stammesgebiet. *Hüben und drüben — Räume und Grenzen in der Archäologie des Frühmittelalters. Festschrift für Prof. Max Martin zu seinem fünfundsiebzehnten Geburtstag*. Archäologie und Museum Baselland 48. Liestal/Schweiz, 91—112.
- Schmiedehelm M., Laul S. 1970. Asutusest ja etnilisest oludest Kagu-Eestis I. aastatuhandel. *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn: Valgus, 154—164.
- Schmidt B. 1970. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Katalog: Südteil. *Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle* 29. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaft.
- Schulze-Dörrlamm M. 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil 1: Die Schnallen ohne Beschlag, mit Laschenbeschlag und festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts. *Kataloge Vor- und Frühgeschichtlicher Altertümer* 30. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Kommission bei Dr. Rudolf Habelt GmbH — Bonn.
- Selonians 2007. — *Sēliai. The Selonians*. Riga.
- Semigallians 2005. — *Žiemgaliai. The Semigallians*. Riga.
- Stenberger M. 1947. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit II. Fundbeschreibung und Tafeln*. Lund.
- Stubavs A. 1976. *Kentes pilskalns un apmetne*. Riga: Zinātne.
- Szymański W. 1967. *Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Zespół osadniczy z VI—VII w.* Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk.
- Tallgren A. M. 1925. *Zur Archäologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr.* Dorpat.
- Tejral J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaunraum. *Archaeologia Austriaca* 72, 223—304.
- Tejral J. 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaunraum. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaunraum*. Bmo, 321—392.
- Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kaminen der römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungs-geschichte zur Sachsischen Bodendenkmalpflege* 8, 54—215.
- Urtāns V. 1972. *Senākie depozīti Latvijā (līdz 1200 g.)*. Rīga: Zinātne.
- Vaitkevičius V. 2007. Santakos Pilkapiai (Vilniaus r.). *Lietuvos archeologija* 30, 181—212.
- Vaitkunskienė L. 1995. The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania. *Archaeologia Baltica* 1, 94—106.
- Vaškevičiūtė I. 2004. *Žiemgaliai V—XII amžiuje*. Vilnius.
- Vida T., Völling T. 2000. Das slawische Brandgräberfeld von Olympia. *Archäologie in Eurasien* 9. Rahden/Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH.
- Werner J. 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.—6. Jahrhundert. *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte* 1. Berlin, 695—701.
- Werner J. 1991. Expertise zu dem Bronzearmring mit verdienten Enden und Perlleisten von Bratislava-Dubravka. *Slovenska Archeologia* 39/1—2, 287—288.
- Wührer B. 2000. Merowingerzeitlicher Armschmuck aus Metall. *Europe médiévale* 2. Montagnac: Éditions Monique Mergoil.

Архивные источники

- Башенькин А. Н. А-1989. *Отчет о раскопках могильников Усть-Белая, Любахин в Чагодоценском районе, курганной группы Бабаево IV в Бабаевском районе, разведках в Бабаевском, Кадуйском, Чагодоценском и Устюженском районах Вологодской области в 1989 г.* АИА. Р-1.
- Лебедев Г. С. А-1971. *Отчет о работах Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ 1971 года на Верхней Луге.* АИА. Р-1. № 4848.
- Милюков В. В. А-1989. *Отчет к Открытому листу № 66 о проведении раскопок археологического комплекса у дд. Плесо-Потерпелицы Боровичского р-на, жальника у д. Каплино в Мошенском районе, курганно-жальничного комплекса Бор-Заручевье в Окуловском районе, а также археологических разведок в Любытинском, Мошенском и Хвойнинском р-нах Новгородской области.* АИА. Р-1. № 13742.
- Орлов С. Н. А-1971. *Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезон 1971 г.* АИА. Р-1. № 4517.
- Орлов С. Н. А-1972. *Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезоне 1972 г.* АИА. Р-1. № 4861.
- Орлов С. Н. А-1977. *Отчет об археологических исследованиях в сезон 1977 года на территории Новгородской области.* АИА. Р-1. № 6652.
- Чернягин Н. Н. А-1940. *Отчет о раскопках курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г.* АИИМК. Ф. 35. Д. 35.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2010 г.

Elena Mikhaylova (St. Petersburg, Russia). Candidate of historical sciences. St.-Petersburg State University.

Михайлова Елена Робертовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: helena.mikhaylova@gmail.com